

Мирослава Дорофеева

Взгляд Ангела,
или
По следам жениха

Мирослава Дорофеева

**Взгляд Ангела, или
По следам жениха**

«Издательские решения»

Дорофеева М.

Взгляд Ангела, или По следам жениха / М. Дорофеева —
«Издательские решения»,

Журналистка получила доказательства смерти 9 невест, что станет 10 невестой, не знала. Злой рок мотал её по миру в те места, где зверь наследил. Олег с 12 лет хранил девственность невесты, не знал, что зверь приметил добычу и в коварные цели включил план мести, не насытившись растерзанными трупами, который позволит ему дать жизнь Ангелу скорби. Машу интуиция подтолкнула вовремя оказаться на месте преступления, встретить своего избранника, спасти подругу, и молодые венчались в церкви...

Содержание

Глава №1	6
Глава №2	11
Глава №3	16
Глава №4	21
Глава №5	24
Глава №6	28
Глава №7	36
Глава №8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Взгляд Ангела, или По следам жениха

Мирослава Дорофеева

© Мирослава Дорофеева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Журналистка Ярослава приехала работать на Север. Вспоминала, как с детства любит Олега, но дарил ей звездочки с погон, она их хранила как талисман. Ярослава не верила своим чувствам, поделилась сомнениями с подругой Машей, она утешала, говоря встретишь ты своего жениха. Шеф пригласил Ярославу поехать с ним в Таджикистан на свадьбу племянницы, позже, они узнали о её смерти. Первые подозрения закрались в сознание, когда Ярослава распечатала фотографии свадьбы, жених фальшивый. Поехала с шефом в глубь тайги, оказались на поминках дочери лесника и случайно узнала о гибели еще одной невесты с Ваха, сравнила три фотографии свадеб и обнаружила, что жених один. Расстроилась, кошмарные видения преследовали, поехала с коллегой в Казахстан отдохнуть, но попала на похороны невесты, не верила в случайности, паниковала. На работе в столе Олега, которого считала своим женихом обнаружила папку, перевязанную жёлтой тесемкой с надписью «по следам жениха», прочитала информацию и была шокировано известием гибели еще пяти невест. Жениха любила, но сказать ему что, она знает о его зверстве не могла. Олег на вопросы не отвечал, просил подождать пока он закончит, какое-то дело. Ярослава, нагнетала обстановку, гадала, что за дело, может быть убийство очередной невесты или... Правда раскрылась, когда Ярославу за два дня до свадьбы похитил «жених», воплощая в реальность свои коварные планы накинуд шарф, как удавку на шею и Ярослава смотрела в глаза смерти осознавая, что видит свои глаза...

Я расскажу, что «Ангел скорби» – это не выдумка, а реальность, с которой мы сталкиваемся. Я верю, в чудеса и желаю каждому, пусть жизнь каждого станет примером для подражания многим. Я хочу, чтобы молодые пары, как герои моего детектива, пережив трагедию, соединяли свои судьбы венчанием, я точно знаю, дочитав до конца «Взгляд Ангела или По следам жениха», другого желания не возникнет. Многие молодые девушки захотят построить свою карьеру в сфере журналисткой деятельности, а молодые мужчины в раннем возрасте будут выбирать себе невест и развивать «Дар Любви» в себе.

Изначально, не могут в вашей жизни происходить чудеса, если вы сами ни верите в себя, и не ставите перед собой возвышенные цели и задачи. Ведь народная мудрость доказала, что у Бога нет ни рук, ни ног, ни голоса. Все тайное, люди познают через собственное «Я», через собственное стремление, добиваются своей цели, как Ярослава и Олег – герои моей книги. В жизни все происходит именно так, как на страницах этого романа, только каждый должен сам для себя решить, как ему относиться к тексту Библии, как к Святому Писанию или же исказить повествование. По большому счету, человеку помогает то во что, он верит.

Не делай зла – вернется бумерангом,
Не плюй в колодец – будешь воду пить,
Не оскорбляй того, кто ниже рангом,
А вдруг придется, что-нибудь просить.
Не предавай друзей, их не заменишь,
И не теряй любимых – не вернешь,
Не лги себе – со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаёшь.

Омар Хайям

Глава №1

Прекрасное далёко

Первый выходной после рабочей недели. Я могу позволить себе сидеть в парке на лавочке и обдумать все, как я устроилась в этом городке. Выбираю эту лавочку для посиделок, даю себе слово: «Я буду приходить сюда всегда, когда у меня будут появляться выходные, хотя бы на два часа». Я подняла прутик и стала чертить ровные буковки, из которых сложилось мое имя Ярослава.

Могли ли родители назвать свою дочь таким именем, я сейчас не могла, вспомнить, в метриках было написано Ханова Ярослава Геннадьевна. Моя память выдавала, картинки детства, связанные с интернатом. Я напрягала память, всплывал военный городок. Из истории рассказанной мне бабушкой, которая была очень старенькой, и государство ей не смогло доверить опеку, я знала, что была дочерью военных, которые погибли, когда мне исполнилось пять лет. Смышлёный кудрявый – ангелочек появился в интернате, где было много военных ангелочков, точнее детей – родители которых в той или иной мере имели отношение к системе управления или военной службе. Дети были общительные и дружелюбные, вместо длинного имени Ярослава – меня называли «Лава», сократив до минимума, а позже кривляли имя на разные лады, так и стала отзываться на Лавку.

– Лавка, смотри, это я тебе принес, – сжимая в кулаке, Олежка протянул две звездочки с погон моряков.

Маленькая девочка в свои пять лет еще не научилась дорожить подарками, но звёздочки перекачивали в ее маленькую ладошку, она в восторге подняла глаза на двенадцатилетнего мальчишку, с которым уже успела познакомиться и понять, что мальчишка к ней относится по-особому. Олежка жил в интернате, иногда его забирал друг отец, когда он возвращался, очень гордился подарками, которые мог раздавать ребятам, особенные из них доставались Ярославе. Она складывала их в маленький мешочек сшитый нянечкой из цветного велюра и научилась называть – это сокровищем.

Первое горе, горькие слезы потери меня накрыли, когда уехал Олежка, мне исполнилось восемь лет, я привыкла знать, что он рядом, что он есть и вдруг в наше отделение первоклашек он не пришел. Терпеливо ждала до вечера, а вечером пряча слезы в глазах, спросила у нянечки.

– И почему Олег не приходит?

– Лавка, а я вижу, ты расстроилась? В жизни так бывает, когда-то мы осознаем, что потеряли тех, кому доверяли. – Нина Леонидовна всегда разговаривала с детьми по-умному, рассудительно. – Его отца перевели в другой регион, Олега забрали.

Слова не понятные, но утрата значимая. Позже пережив горечь потери, научилась доставать из мешочка звездочки и пересчитывать их. Звездочек было двадцать, все они были с погон разной величины. Как давно это было? Лет пятнадцать назад, а сейчас вспомнила, что мешочек со звездочками стал чем-то вроде талисмана.

Мне было четырнадцать лет, я не хотела выглядеть по-другому. Я хотела быть как все, одинаковой, заплетала кудряшки в косу, чтобы на фоне других девочек не выделяться красивыми, русого цвета кудрями. Нас одевали в одинаковые вещи, я знала, что конец мая совсем скоро, а это означает конец жизни в интернате. Свой выбор я уже сделала, закончив девять классов, я пойду в художественное училище и вместе с профессией получу аттестат о полном среднем образовании, и наступит время совершеннолетия, и еще много чего произойдет.

Интернат устроил яркий праздник, провожая выпускников, которые решили идти в училище после девятого класса, смешав их с учениками, которые закончили одиннадцать классов. Разница в годах стерлась и те, и другие объединились в единых выпускников одного года,

которым дорогу в жизнь прокладывает военкомат. В спортивном зале на стены развешали разноцветные плакаты. Поставили у одной стены три огромных стола, уставили пирожными и тортами. Средние классы составили праздничный концерт с вечерней дискотеккой. Я, не раздумывая расплела косу чисто вымытых кудрей, которые рассыпались ниже талии. Шумной компанией с одноклассниками весело кружили по залу, в разгар самого веселья почему-то загрустила. Отошла тихонько в сторону и прижалась к стене. Я умела быть незаметной, когда сама этого хотела. Кто-то прикоснулся к плечу, убирая прядь упавших кудрей. Вздогнула, осознавая, что ощущение новое, необычное. Слегка откинула голову назад, встретила глазами с синевой Олежкиных глаз. Приоткрыла губы для слов, но они застряли в горле.

– Лавка ты стала совсем взрослой, – Олег не волновался, он был рад, что смог в этот день быть в этом городке и увидеть меня, он искрился счастьем.

– Я думала, что никогда тебя больше не увижу, – я прошептала одними губами.

– Вальс звучит, идем, будим танцевать, – тихо прошептал Олег.

Потянул за руку в центр зала, где уже несколько пар кружились под первые аккорды вальса. Повел умело, ловко, увлекая в звуки мелодии. Танцующие отступили, уступая место, стали обращать внимание на море кудрей, которые создали ореол загадки. Многие залюбовались, узнав в девушке Ярославу, и удивленно разглядывали высокого парня. Музыка закончилась, а мы продолжали кружиться, глядя в глаза друг другу. Смекалистый диск жокей перемотал кассету на начало, и пара попала в такт, будто музыку вовсе не выключали. Мне кажется, вальс тот был бесконечным.

Я не могла вспомнить, как я оказалась возле стены, почему все удивленно смотрят на меня, а главное где Олег? Неужели это мое воображение сыграло со мной злую шутку. Со всех ног я помчалась в свою комнату, которую мы занимали вшестером, кинулась к столу, где в мешочке лежали мои звездочки. И вдруг сообразила, что держу что-то, зажимая в кулаке, там нагревалась моей энергией звездочка. Я беспомощно опустила на стул, это был не сон. Олег был, мы танцевали, но почему он ушел, почему ничего не сказал, где он? Слезы горячей волной захлестнули сознание. Большая звездочка упала на стол, реальное свидетельство присутствия Олега в моей жизни, и еще одно свидетельство, я не сошла с ума.

Позже убедилась в народной мудрости: «Время лечит». Я устроилась в общежитие, которое мне выделяло государство, окунулась с головой в программу обучения. Обзавелась новыми знакомыми, будущими Пикассо и Сальвадором, а самое главное я встретила подругу. Настоящую, с ней дружбу несущую, через годы.

Училище организовывало разные вечера, на одном из этих вечеров появилась Маша. Она зашла с подружкой развлечься, как выразилась позже. Ирка была моей однокурсницей, но ленивой, я помогала ей выполнять многие домашние задания. Мне государство платило деньги за отсутствие родителей, но этих мизерных копеек не хватало на приличные вещи, тем более, ведь надо что-то кушать ежедневно. Сейчас не могу вспомнить, почему Маша из толпы выбрала меня? Она забыла о развлечении, поделила со мной уютный диванчик в холле училища на первом этаже. Я почему-то стала откровенной, хотя раньше подобного не позволяла себе. До позднего вечера задавала и отвечала на вопросы. Когда мы прощались, я почувствовала себя счастливой. Осознала, что рядом с Машей я не чувствую одиночества, которым жила долгие годы.

Больше мою юность не сотрясали потрясающие события. Я прожила яркие студенческие годы. Окончив училище поступила на факультет журналистики, причем на второй курс, меня взяли без вопросов с рекомендацией, все того же военкомата и красного диплома. Мое существо заполнила подруга Маша. Она имела материальные блага с рождения. Она была дочерью министерских работников в третьем поколении. Прабабушка и прадедушка, бабушка и бабушка, а теперь сами отец и мать были у нее министрами только в разных отраслях. Маша имела культурное воспитание и тонкое чувство юмора, она легко лавировала между людьми, объединяя в одну компанию.

Внешне Маша была моей противоположностью, свою красоту я называла «Белой», ее красота была «Черной». Мои большие глаза становились лучистыми, когда я прикасалась к ним тушью, а ее глаза становились огромными с тушью и лучились без туши. Мои кудрявые волосы морем кудрей закрывали спину, были светло русого цвета. Ее черные прямые, хорошо ухоженные волосы, едва прикрывали лопатки, но являли миру образец ухоженности. Моя фигурка хорошо сложена и грудь третьего размера не вульгарна, а роскошна. Ее фигура шикарна и рост с десятью сантиметрами счастья, которых мне всегда не хватает, завершал строение красивой фигуры. Самой важной чертой ее внешности могу отметить лицо, оно было живым, в полном смысле этого слова. Если бы Маша попала в школу разведчиков, не одна тренировка, ни один высокоразвитый специалист не мог бы научить ее скрывать чувства и эмоции, которое были всегда на ее изумительном лице.

Сидя на этой лавочке, я могу вспомнить прошлое, с появлением Маши в моей жизни, я переоценила ценности и забыла боль потерь, связанных с Олегом. К звездочкам в мешочке отношусь как к талисману и до сих пор имею привычку перебирать их, любуясь матовым блеском. Иногда я думаю, что жизнь моя могла пойти по другому сценарию, менее благополучному. Я могла загнать себя в тупик мыслями об Олеге, возвеличив его в божество. Детская любовь самая сильная, тем более на фоне моего одиночества, я с пяти лет жила ночами думая о нем. Он стал частью меня самой. До появления Маши в моей жизни, я с Олегом беседовала в мыслях. Сегодня я могу смеяться над своим детским и юношеским фанатизмом.

Была еще одна встреча с Олегом случайность или закономерность каких-то сил природы, сейчас трудно ответить. Ну, посудите сами, я отличница, комсомолка, спортсменка, учусь на третьем курсе Журфака. Приезжаю на ВДНХ с желанием написать очерк о достижениях в технике. С любопытством разглядываю какие-то проволоочки и детали, большие и маленькие собранные аппаратики. Внимательно вчитываюсь в руководство прикрепленные к каждой подставочке возле образцов творения рук человека. Соответственно восхищаюсь, глаза сияют и в какой-то момент, я понимаю, что за мной наблюдают. В невероятное, я поверила после вальса на выпускном в интернате. Я ни разу не задавала себе вопроса, произошло ли со мной не объяснимое, точнее не анализировала, что было в реальности. Мне казалось, я ни разу не теряла нить реальности из рук, а там, в павильоне, ощутила взгляд неведомого. Я была уверена, время тянется, как резиновый жгут, его давление, я чувствовала на каждой клеточке своего тела.

Я вертела головой из стороны в сторону, надеясь увидеть источник моего дискомфорта. В какой-то момент я поняла, волна моего раздражения отхлынула. Не произвольно вырвался вздох облегчения, но страх не прошёл. Анализировать ситуацию что произошло, времени не оказалось. Я развернулась на девяносто градусов и уткнулась в препятствие, которое оказалось торсом, который принадлежит мужчине, сомнение улетучилось, как только я сделала первый вдох. Мои легкие наполнились ароматом туалетной воды «Интерект». Владелец «Интеректа» подхватил меня рукой за талию, так как я, сделав толчок в его грудь, по инерции стала отступать назад, закидывая голову вверх. Я встретила синие глаза, и ошарашенно пронеслось в сознание его имя, Олег.

– Лавка, рад увидеть тебя, – слова его звучали весело, мое сознание бастовало, не те слова, не то место, все не так. Что со мной происходит? – Пойдем, – Олег взял меня за руку и увлек к выходу из павильона.

Я не сопротивлялась, мы маневрировали в толпе, прошли стеклянные двери, на ступеньках он почему-то подхватил меня на руки и молнией сбежал вниз. Поставил на тротуар, и быстрым шагом мы мчались. Я не чувствовала, как наступаю за землю, не выпуская моей руки, мы дошли до тенистой аллеи, где было тихо и безлюдно. Сколько шагов мы сделали в сторону, я смогла сосчитать потом. Его пиджак оказался расстеленным под пышным кустом, я в его объятиях. Сначала на коленях усыпанная горячими поцелуями, потом прижатая к зеленой траве

его телом, зажмурилась, застонала, тело мое напряглось струной, во мне бастовала девственность. В какой миг я оказалась одна под кустом, я не поняла, села подтянула под себя ноги. Ошарашено огляделась по сторонам, что я делаю одна в кустах, где Олег? Был ли вообще, он, или я сошла с ума?

Во мне закипела злость, щеки вспыхнули огнем. Да, что он себе позволяет? Да как так он может поступать со мной? Я с трудом вспоминаю, как добралась в свою уютную комнатку в общежитии. Уселась на диванчик и тупо уставилась в пол, я не помню, как рядом оказалась Маша, я заливалась слезами. Рассказала ей о том, что есть он, Олег, который просто издевается надо мной. Маша не умела утешать, она гладила меня по волосам и слушала. Силы мои иссякли, я расслабилась, рыдание затихло.

– Хочешь, мы с тобой напьемся, хочешь, устраю праздник? Будет море шампанского и гора мороженого, хочешь? – предложила Маша, встряхнув меня за плечи.

Я слабо выразила согласие, побрела к умывальнику. Привела себя в более или менее, божеский вид. Маша вернулась быстро с двумя пакетами и тремя бутылками подмышкой. Составила все на столик и скомандовала.

– Гуляем! – восторженно сообщила Маша, размахивая руками в разные стороны.

Дальше или больше Маша сделать ничего не могла, только принести все для пира. Я принялась нарезать деликатесы и строить горки в тарелочках. Последние следы горечи рассеялись вместе с заполнением стола. Я ведь себе не могла подобного позволить из-за стеснения в денежных средствах, так баловать меня могла только подруга.

– Никогда не экономь на мне! – улыбаясь, Маша вытеснила из моего сознания песочные барьеры, которые я выстраивала, скромничая. – Чтобы решить любую проблему о ней нужно поговорить, хочешь? – Маша красивыми длинными пальцами, слегка щелкнула по фужеру, наполненному шампанским. – Под это дело, – проговорила Маша, хитро прищутив глазки.

– Да, скорее всего, хочу, – я залюбовалась тонко нарезанным сервелатом и принялась рассказывать о детстве, об интернате, о выпускном вечере и вальсе, о мешочке с сокровищем, который вытащила из шкафа, и гордо демонстрировала звездочки, объясняя, что теперь это мой талисман.

– Ярка, у тебя с этими звездочками связана потеря жениха, слезы, вздохи, а ты зовешь их талисманами? Ну и тараканы у тебя в голове, – Маша расхохоталась.

Я заразилась ее весельем, и мы продолжали смеяться, я над собственной глупостью, а Маша над серьезностью, с которой я еще час назад страдала.

– Да сколько в мире этих синих глаз. Да сколько разных Олегов. Все забудь, мы найдем тебе жениха, и ты будешь о нем вздыхать, если тебе этого хочется, – серьезно глядя мне в глаза сказала Маша.

– А я скажу тебе, Маша я люблю тебя, и обещаю не страдать и не жалеть себя. Я буду жить, ни думая о том, что придумывала себе сама.

Я закончила учиться, получила диплом, все же красный, журналиста с квалификацией «телерепортёр». О том, что я собралась ехать на север Маша узнала первой, а собственно и знать было больше не кому. Когда я училась на последнем курсе, я прочитала в газете об огромных зарплатах, о красавице тайге, о возможностях и перспективах. Раздумывать было не о чем, на большой земле, такой как огромные города, начинать очень трудно, сделать карьеру практически невозможно, затопчут, уже созревшие «Акулы пера». Маша сама мне помогала собраться, подарила много подарков очень нужных и дорогих вещей. Сложила в красивую сумку, которую мы вместе выбирали в огромном магазине. Проводила на вокзал, усадила в купе, в котором мне предстояло ехать четверо суток до Тюмени, а там пересадка и конечная остановка Нижний – Вартовск.

Мы с Машей не прощались, просто разъехались в разные города, точнее уехала я, чтобы окунуться в новую жизнь. Мы пообещали звонить друг другу. Маша мне подарила сотовый

телефон, единственным входящим абонентам была она. Сидя на лавочке в городке на Севере, я заглянула в сумочку и улыбнулась телефону. В душе понимая, что эта улыбка предназначена моей подруге.

Глава №2

Стрежень. С распростёртыми объятиями

На Север я ехала с рекомендацией, которую мне организовала Маша. Я не вдавалась в подробности, как она достает такие серьезные вещи, а Маша только улыбалась и говорила: «у женщин свои секреты». От Нижнего – Вартовска предстояло добираться еще 120 км через переправу, но по хорошей дороге, на удивление всей России. Гладкая бетонка без выбоин и ухабин петляла по тайге. На территории Тюменской области, к которой относился город Нижний – Вартовск, работал Московский проект. Городок Стрежень организовали лет двадцать пять назад на открытом нефтяном месторождении геологоразведчиком Стрежевым. Расцветал городок на парах энтузиазма и деньгах нефтяников. Вахтовики из деревушек переселялись в каменные дома многоэтажки, их места в деревушках заселяли из вагончиков, так сменял друг друга новый житель, нового мирка. Цивилизованным стал городок. На его окраины наступала вековая тайга. Чуть позже открыли еще одно месторождение нефти, окрестили его Вахом, который стал богатой предпосылкой будущего, расположившись в 50 километрах от Стрежня вглубь болот. Объединили два месторождения одним московским проектом. Потекла жизнь полная всех благ цивилизации. Разбили парк, в котором я облюбовала себе лавочку.

Остановилась в гостинице «Нефтяник», единственной в городке на сорок тысяч жителей местного населения. Гостиницей пользовались только приезжие, точнее командировочные и прочие категории, которые мне были пока не известны. Следующее утро выпадало рабочим днем, я в восемь утра направилась в редакцию, филиала газеты «Нефтяник». Я уже успела заметить, что названием «Нефтяник» пользовались многие заведения, вывеску ресторана «Нефтяник» я прочитала вчера вечером, знакомясь с вечерним Стрежнем. В магазине «Нефтяник» покупала печенье и молоко, думая о завтрашнем дне. Еще заметила пару ларечков с подобным названием. Узнала у старушки, что в городке два крытых рынка, один зовется «Урожай», а другой «Нефтяник». Поэтому в обороте речи слово «Нефтяник» стало веселить. Редакция занимала весь первый этаж трехподъездной девятиэтажки с двумя парадными входами. Я замешкалась, разглядывая здание, попятилась назад и столкнулась с женщиной, ойкнув, обернувшись с намерением извиниться.

– Ты в редакцию по делу или без дела? – выдавила из себя полная тетка с ведром в руке. Я догадалась уборщица, мыла ступени, а народная мудрость гласит: «Самый ценный всезнающий и трудолюбивый сотрудник в любой организации – это уборщица».

– Извините я по делу, к редактору, – немного сконфуженно проговорила я.

– Пошли, еще рановато, кофейку попьем, – ласково пригласила толстая тетка.

Широте русской души я не удивлялась, и, если предлагали, научилась у Маши не отказываться. Она всегда, улыбаясь, говорила: «не отказывай себе, если дают тебе». Сейчас я была ей благодарна, так как завтрака у меня еще не было, а на мои нервы желудок реагировал урчанием. Самое главное я поняла, спасибо любопытной тетке, хочет знать первой, зачем я к редактору стремлюсь, очень умно.

– В городе давно? – Засыпая зерна в кофемолку, спросила тетка. – Меня зови тетя Галя, уточнила она, вытирая руки об себя.

– Меня зовут Ярослава. Я приехала работать, – это все, что я посчитала нужным ей сообщить.

– Фотограф или писака? – с умным видом спросила тетя Галя, разливая ароматный кофе по чашечкам. – Я без сахара люблю, а ты молодая учись как надо. Без сахара он настоящий, а сахар губит его бодрость. Пей, че ж на меня уставила свои огромные глазищи, – она еще раз подвинула ко мне чашечку с кофе.

– Спасибо! – чему-то смущаясь, пробормотала я и, не рассчитав, сделала большой глоток обжигающей жидкости, из глаз брызнули слезы, тетя Галя покачала головой.

– Молодая неумеха родители то, как отпустили? – тетя Галя участливо протянула мне салфетку.

– Я жила в интернате, – сообщила я, считая, что одним словом отвечу на все следующие вопросы, так и вышло.

– А понятно, работа тебе нужна обязательно. Назад возвращаться не к кому? Жить-то есть где? – тетя Галя поерзала на диванчике.

– Нет, – на все вопросы, отвечая «нет», я в разные стороны помотала головой, что рассмешило тетю Галю.

– Фамилия моя Ясорева, хохлушка я. Будешь моей племянницей с большой земли, уяснила? Пойду первой к Илюше беседовать, пускай примет как свою, понравилась ты мне, – допивая, вторую чашку кофе, сообщила тетя Галя.

Мужчина толстый, коротенький почти, как колобок, даже голова круглая, на которой устроилось доброе лицо, стоял возле окна. На лице все расположилось очень уютно, и носик картошка врос аккуратнo, и глазки щелоки, цвет которых невозможно разглядеть, но очень темные, прилипли под густыми бровями, губы пухлые и ушки оттопыренные. Он улыбался, и казалось ушки, будто махали, как крылышки. Я впервые столкнулась с подобной внешностью, уставившись на его руки, и остолбенела, втиснутая в двери тетей Галей.

– Илья Николаевич Событин, – протягивая мне пухлую руку, представился мужчина.

Ему угадывалось лет пятьдесят. Со звуками голоса я поняла, что внешность обманчива, хотя я не знала, каким я хотела видеть, своего будущего босса. Тряхнула головой, выветривая последние крупинки песочного барьера, и шагнула с полной уверенностью получить работу и скорее всего прочие льготы, если такие имеются в объединении. «Колобок» закатился за стол и сел на стул.

– Ханова Ярослава Геннадьевна, – я присела скромно на стул, возле огромного стола, заваленного рукописями.

В сумке не рылась, достала пухлый конверт со своими документами, положила на стол, подвинула к «Колобку», сверху положила рекомендацию. Илья Николаевич быстро, но очень внимательно прочитал каждый листок, начиная с рекомендации потом красный диплом, которым я гордилась, аттестат о полном среднем образовании, метрики, паспорт, документы на частную собственность моей комнатке в Москве. Свидетельство о смерти моих родителей, фотографию Маши разглядывал. Он, разглядывал фотографию дольше, чем читал все бумаги. Я догадалась, он занят анализом полученной информации из моих бумаг.

– Я беру тебя на работу. Будешь работать в рубрике «Обо всем». Самый спокойный отдел в здании. Там работают граждане, точнее бывшие граждане Казахстана, очень дружелюбные люди. Я сам проживал в Алматинской области, когда-нибудь расскажу, как там красиво, – он улыбнулся, ушки махнули. – С жильем решим, мне Галина сказала о твоей нужде, вселяешься в нашу квартирку, она резервная. Галина вызвалась тебя проводить и поселить. Ордер на прописку завтра с утра заберешь у моего секретаря. – шеф говорил по теме, а в щелочках светились искорки радости.

Я думала, когда же тетя Галя успела сообщить шефу о моей нужде? Я не успела проговорить не одного слова, кроме своего Ф. И. О., а он уже нажал на кнопку, дал распоряжение секретарю проводить меня в отдел кадров и познакомить с коллегами. В кабинет заглянула Лариса, его секретарь, приглашая меня следовать за ней. У меня сложилось впечатление как будто меня ждали и в лицо знали.

– Я не удивляюсь, легкому устройству тебя на работу, Илья Николаевич помог всем своим бывшим землякам. Я, когда тебя увидела, думала, мы врагами будем, ты сядешь на мое место,

а меня переведет в отдел «Криминальной хроники». Я оттуда села в его секретари, он многое для меня сделал, добрейший человек.

Ларисе неважно было мое мнение, она стремилась выговориться. Нагруженная информацией, не успевая сказать не одного текста оппонентам, я не уловила, как оказалась в помещении отдела «Обо всем», где стояло пять столов поменьше и один большой стол. Тетя Галя перехватила меня у Ларисы в коридоре и до помещения говорила сама. Я знакомилась с коллегами.

– Пойдем, деточка провожу тебя восвояси, – позвала меня тетя Галя.

Объявила она тоном, не терпящим возражения засунув голову в дверь. Я встала из-за стола, который часом раньше заведующая отделом Мартынова Марина Андреевна, родственница Ильи Николаевича объявила моим рабочим местом. Они мои коллеги разговаривали обо всем, даже о нижнем белье и любовнике Ниночки. Ну, все было как в женском коллективе, я, с любопытством разглядывала четырех женщин и гадала, кто хозяин шестого стола? Ниночка была самой словоохотливой, уловила мой взгляд, покосилась на степенную Еву и обходительную Татьяну Юрьевну. Я для себя уже решила, скорее всего, подружусь с Евой.

– Это рабочее место Максимки, он в разъезде. Мы все частенько бываем в разъездах, – заявила Ниночка, глядя на меня.

– Нинка, хватит травить молодую, все узнается со временем, – отдернула болтушку тетя Галя. – Пошли деточка, надо и вещи твои притащить и много еще дел, квартирку-то давно никто не убирал. Последний жилец был давненько, – уже у выхода из кабинета говорила она.

Дом расположился возле рынка «Нефтяник» почти на центральном проспекте «Нефтяник». В этом городке все было рядом 20 минут ходьбы от редакции, и мы дошли до двухэтажной деревяшки. Моя квартира оказалась однокомнатной на первом этаже, на площадке было три квартиры еще двух и трехкомнатная. Я подумала, знакомство с соседями нужно отложить на потом, но из квартиры двухкомнатной высунулась взъерошенная голова.

– Ну, постой молодая, а я Санька, сосед, че помочь с вещичками? – голова Саньки уставилась на нас вопросительным взглядом.

– Да и вещей-то еще нет, мы так налегке, визит знакомства с территорией, – почему-то принялась я оправдываться.

– Да осваивайся, я найду через часок, пойдем на старое твое место жилья и заберем хотя бы первые необходимые, – деловито предложил Санька.

Это был аргумент или повод дальнейшего общения или знакомство поближе. Санькина голова ушла вглубь и дверь захлопнулась. Тетя Галя заулыбалась.

– Я, знаю его, хороший мужик, живет здесь с женой и дочкой, подсобит во всем, – порекомендовала тетя Галя, зная хорошего человека.

Мы зашли в квартирку, она мне очень понравилась, маленькая, уютная, мебель приличная. Диванчик, на котором мне спать предстояло, стоял возле стены. В углу шифоньер средних размеров, стоял возле стены напротив дивана, по бокам два легких глубоких кресла. Телевизор на тумбочке возле окна с коричневыми тяжелыми занавесками и хорошенький палас завершал дизайн интерьера. На кухоньке был холодильник, газовая плита, стол и две табуретки.

– Здорово, все как у цивилизованных граждан, – радостно, я подвела итог осмотра, заглядывая в смежный санузел.

– Да и посуду Максимка не растащил, смотри-ка, даже мой фартук цел, – отозвалась тетя Галя.

– Максимка – это мой коллега, за шестым столом? – я проявила смекалку.

– Да, он съехал полгода назад, объединение выделило в каменном доме двух комнатную квартиру. Да и ты здесь долго не удержишься, Илюша быстро выбивает своим жильем, он ведь с мэром свояки, – тетя Галя суежилась на кухоньке, вытирала пыль.

Я ничего не ответила, только порадовалось новым обстоятельством в жизни. В сумке ожил телефон. Я шумно бросилась его доставать, ведь сумочку оставила на диване.

– Алло, Маша! Да, да хорошо приняли, жильем об завели, сейчас и прибываю на новой территории. Спасибо, позже? Хорошо. Ой, Маша чуть не забыла, я люблю тебя, – сотовый отключился, я улыбалась.

– Кто звонит-то? Подруга че ли? – тетя Галя сама спрашивала, сама отвечала, пока я прибывала в счастливой прострации.

В дверь мягонько постучали. Я догадалась, что мой первый гость – это Санька сосед. Пошла открывать двери и остоленела возле распахнутой двери. Санькина голова превратилась в «Дылду» ростом не менее 195 сантиметров с высоты моего роста в 158 сантиметров, он мне показался огромным, хотя так оно и было. Он немного сутулился, я разглядывала его татуировки на плечах и на запястьях обоих рук, даже белая майка, открывавшая волосатую грудь, не скрыла тату «Иконы Божьей Матери».

– Не бойся, солдат ребенка не обидит, я же сосед? – гордо заявил Санька.

– Да, я собственно не испугалась, просто не ожидала, наверное, увидеть картинную галерею. Да проходи, чего ты встал, – я отступила в сторону.

Санька прошел, не стал казаться таким большим, потому что уместился на стуле в узком проеме возле стола.

– Ярочка деньжонки та у тебя имеются, на первое время? В прочем, что я любопытничаю. Сань давай по нашей схеме поступим, привычный для нас порядок, вот я списочек уже подготовила. Дуй за провизией, – тетя Галя протянула свернутый листок и бумажную денежку.

Саньке не нужно было лишних слов. Деньги и список перекачивали в его огромную ладонь, он шумно удалился.

– Яра так делай всегда. Исполнительный и сдачу принесет, тебе, ведь некогда будет по магазинам разгуливать. Денежку хорошую будешь получать, и скопить будет чего, и питание будет хорошим. У нас все хорошо живут, Север... – глубоко мысленно, на слове «Север» тетя Галя сделала акцент.

Позже мы с Санькой сходили в гостиницу «Нефтяник», выволокли две моих сумки, сдали ключи. В деревяшку добрались с частником, он оказался знакомым Саньки. На работе за два месяца узнала о жизни во всем городе. Посетила все заведения, цель посещений была: «рабочий визит». Корочки специального корреспондента открывали многие двери. Да еще и воспитание в интернате научило пользоваться народной мудростью: «Стучи и тебе откроют». Моя коллега Ева стала моим постоянным гидом. Один раз, в неделю выбрав день пятницу, мы решили посещать спортивный комплекс «Нефтяник». Выстроенный финнами по Московскому проекту, он являл образец цивилизации. Даже ванна с джакузи имела, посетив впервые подобное место, я представляла себя «Шамахаской царицей». Вода бурлила, заворачивая волны в центр. Я любовалась узорами пенных барашков, которые лихо носились по воде. Вокруг этой чаши великолепия стояли горшки с большими пальмами и хорошо ухоженными розмаринами. Евины любовные связи помогли остаться чуть ли не в одиночку в таком огромном комплексе. Ева, где-то затерялась в глубинах здания, предоставив возможность, мне фантазировать и наслаждаться теплой водой.

Я сидела на краю бассейна – джакузи, опустив ноги в бурлящую воду, сверху спикировав, упал бордовый цветок розмарина, он кружился и нырял по бурлящей поверхности воды. С любопытством задрала голову, стала искать глазами того, кто решил обратить на меня внимание. Над бассейном нависал балкончик, но кроме цветущего куста розмарина, разглядеть я больше ничего не смогла. Ева позвала меня, где-то из глубины помещения, которое метров двести. Забыв о цветочке, я двинулась на звук ее голоса и через пару минут присоединилась к легкой пирушки втроем, на другом конце огромного бассейна, так как джакузи был в углублении стены в одном шикарном помещении с бассейном. Я помнила о цветке, упавшем или брошенном кем – то в воду, но до конца пребывания в спорткомплексе я не встретила не одного реального объекта способного оказывать мне знаки внимания.

По ночному городку мы шли пешком. Ева кокетничала со своим любовником, провожая меня до моей деревяшки. Я помахала им рукой и обернулась к своему подъезду. Санька сидел на перилах возле самой двери почти под окном трехкомнатной квартиры.

– Доброй ночи, гулена, – поприветствовал он меня.

– Смотрю и тебе, не спится, хочешь, пойдем на кофе, я еще не готова уснуть, – Санька молча поднялся, стрельнул окурок, куда – то в сторону и двинулся открывать мне двери.

Мы шумно зашли в квартиру, он разместился за кухонным столиком, я принялась стучать чайником, посудой на плите, что-то передвигала, пытаюсь организовать чаепитие.

– О, появился!!! – не то себе, не то мне пробубнил Санька.

– Кто появился? Ты с кем беседуешь? – я удивленно уставилась на Саньку.

– Да ни с кем, сосед появился, – Санька говорил себе под нос.

– Ну, что за манера говорить себе под нос, в кампании больше одного человека? Какой сосед? – я продолжала засыпать его вопросами.

– С трехкомнатной квартиры, крутой «Бос», – пояснил Санька, прислушиваясь.

Я тоже прислушалась, но мой слух ничего не уловил, рядом зашумел чайник. Я вздохнула, осознавая, что мы беседуем от части, чтобы просто составить друг другу компанию.

– Крутой «Бос» и в деревяшке – смешно. «Крутые» в коттедже, живут. Видела я их дома, сегодня с крыльца спорткомплекса, – почему-то смущаясь, проговорила я.

– Да этот тоже крутой, знаешь какой крутой ремонт у него делали, – Санька ткнул пальцем в сторону трешки. – Работали года два назад. Вот ты телек смотришь, а у меня в зале будто и стены нет. Чай мешаешь, ложкой брыкаешь, а я слышу, а у этого крутого не звука и шторы распахнутыми, я что-то не замечал, как живет? Вампир может? За всё время раз всего видел, как он из квартиры выходил, здоровый, чуть ниже меня, плащ черный, морда строгая. Говорю: Здорово сосед, а он зыркнул и только чуть головой кивнул, сел в джип и укатил. Ну что поняла? Крутой? – как-то торжественно говорил Санька.

– Я поняла тебе слово «крутой» нравится. Он человек, живет своей жизнью и не хочет, чтоб любопытные совали свой нос в его жизнь, – не знаю почему, но мне очень хотелось защитить этого «крутого».

– А я что, я не сую. Видел и видел. – Санька уткнулся в чашку с кофе, задумчиво погладил рукой по волосам, немного сконфузился.

– Да не обижайся, я так к слову сказала, а сегодня он приехал? – я спросила, чтобы разрядить обстановку, нависла угроза обид.

– Нет, то есть не знаю, просто уловил, как замок щелкнул на входной двери и больше не шороха не услышал, – уточнил Санька и махнул рукой, мол, забудь все, что я тебе наговорил.

На этом мы закончили разговор о соседе невидимке, так я его для себя окрестила. Меня он не интересовал, я жила своей яркой, полной событий жизнью. Тетя Галя ждала отпуска, собиралась ехать на родину. Я имела свое увлечение фотографировать все и везде. Илья Николаевич за мои старания выделил деньги на приобретение фотоаппарата и разной проявительной и печатной аппаратуры. Все это упакованное в коробочках он премировал мне. Объявив, что делает подарок ко дню рождения, тем более я его собираюсь праздновать. К этому времени поработав уже полгода в редакции, я щелкала аппаратом направо и налево, набираясь умения, печатая и проявляя фотографии. В рубрике «Обо всем» стали статейки сопровождаться фотографиями или фотографии сопровождалась статейками. Разницы не заметил никто из обывателей, только профессионал Илья Николаевич, улыбаясь, говорил: «будет с тебя девонька, хороший толк». Говорил как-то таинственно иногда мне казалось он имеет ввиду, говоря о толке не мою работу.

Глава №3

Таджикистан. Свадьба в пыли

В кресле главного редактора Илья Николаевич сидел уверенно, из-за глупостей не ерзал. Пересидел свои пятьдесят лет, отметив три года назад юбилей. Надо же такому случиться, он полюбил молодую журналистку, осознав, что однажды, он готов для нее достать звезды с неба. Сам удивился сим чувствам, которые его переполняли. Даже аналитический склад ума и профессионализм молчали, когда он хотел эту тонкую девушку с красивым именем назвать своей дочерью. Он разделил ее имя на два слова «Яр» и «Слава», а самое главное, он спрятал все чувства, приобретённые к ней, проявлял отцовскую заботу к сироте, к интернетовской девочке и оказывал ей материальную помощь, не явно, а тайно, боясь, задеть чувствительную личность. Я не слушала, о чем судачили коллеги, приняла за норму отношений все, что делал, для меня главный и стремилась преуспеть в деловой жизни отдела, по-прежнему греясь в лугах тети Галиной заботы.

– Илюша для тебя вон, что передал, – тетя Галя бросила конвертик на стол. – Передал через меня, что б я уговорила в командировку тебя поехать.

– А почему Илья Николаевич решил, что я могу игнорировать или обсуждать приказ главного? – я говорила, возбужденно открывая конверт.

– Не знаю, наверное, из-за него, – пожала полными плечами она.

Я распечатала конверт, деньги выпали на стол, вместе с командировочным листком. И короткий текст на свернутом листке. «Ярослава, командировка в Таджикистан. Задача собрать материал „Обо всем“ на большой земле, вы не возражаете, если мы поедем вместе? И.Н.»

Я удивленно уставилась на тетю Галю, а в голове вертелась одна мысль: «ничего не понимаю». Зачем выполнять какие-то маневры таинственно, которые начальник может по правилам, сделать у себя в кабинете. Зачем деньги, что это, командировочные? Разглядывая тетю Галю, которая улыбалась, я вовсе запуталась в своих мыслях. Заглянула в конверт, обнаружила билет, принялась его изучать. Билет на самолет, рейс 2244 Стрежень – Томск. Вылет завтра в десять утра.

– Теть Галь, а самолет завтра, надо еще собраться? – я захлопала ресницами, волновала готовность, с которой я готова сесть на волну приключения, точнее на рейс 2244.

– Надо! – растянула тетя Галя слово «надо». – За хатку не волнуйся, пригляжу. Завтра в восемь утра я к тебе загляну, посмотрю, что надо. Скоро портящие продукты есть? – я кивнула, тетя Галя продолжала руководить – заберу, а денежки командировочные, вот бумажка из бухгалтерии, понятно? Илюша тоже едет в девять утра, его шофер за тобой заедет. Вдвоем-то веселее по командировкам работать. Ты фото аппаратик возьми, его свадьбу снимать будешь. Ну, пойдем, пойдем, – потирали меня тетя Галя.

Я ничего не понимала, о чем конкретно говорила тетя Галя, я последовала за ней, угадав лишь то, что она очень много знает личного об Илье Николаевиче. Потом разберусь во всем, мне хотелось отвлечься, следуя четкому руководству взрослой тети Гали. В восемь утра ожил телефон, я уже не спала, свесила ноги с дивана в утренней дреме.

– Аллю, Маша. Все хорошо? – сонно отозвалась я.

– Замечательно, спасибо, – успокоила меня Маша.

– Я в десять утра вылетаю в Томск, напишу тебе открытку в самолете, – сообщила я информацию, которая меня волновала.

– Ярослава, мне послышалось или действительно ты волнуешься? – строго спросила Маша, но я знала, что она улыбается.

– Я волнуюсь, в Таджикистан командировка с начальником, ему 58 лет, как-то ново все это для меня. Я же почти никуда не выезжала, – я говорила о тараканах, которое волнуюсь, ползали в моём голосе.

– Ну, то ли еще будит, жизнь полна сюрпризов, а женихов старых не бывает. Они красивые и глаза у них светятся любовью, – отозвалась Маша, и в трубке раздался её веселый смех, который разбудил меня окончательно.

– Старых, женихов не бывает? – эхом отозвалась я, – Маша ну, какой он мне жених, командировка с начальником.

– Ярослав, с женихом разберемся потом, береги себя и пошлешь мне фотографий Таджикистана. – Маша чмокнула в телефон, – целую, буду звонить.

– Спасибо, я буду беречь себя, а тебя я очень люблю и целую, – я тоже чмокнула в телефон.

Я хлопнула крышкой телефона и счастливая, пошла, плескаться водой, устраивая бодрящую процедуру, честно признаюсь от воды, я всегда получала море наслаждения. Не понимаю, почему в утренние часы я вспомнила о цветке розмарина, кувыркающемся в джакузи. Интересно цветочек сам упал или его кто – то сорвал и бросил, желая остаться невидимкой, размышляла я, стоя под струями воды. Я улыбалась, сосед «невидимка», цветок розмарина от «невидимки», интересно, сколько еще «невидимок» будет в моей жизни. В девять часов утра, я вышла на улицу. Санька вынес не большую сумку. Я не умела еще ездить в командировки и не понимала, что брать нужнее. Поэтому положила на опыт тети Гали.

– Я собирала Максимку сто раз, – приговаривала хлопотунья, укладывая аккуратно сложенные вещи.

С Максимкой я так и не познакомилась, он был на выезде, звонил главному редактору и присылал конверты с работами. Марина Андреевна редактировала его работы, сдавала на утверждение, редактор выделял место в рубрике, и уже в газете я знакомилась с почерком Максимкиного пера. У всех журналистов свой почерк, точнее стиль пера, который зависит от чувства юмора. Я имела свой стиль с первого курса обучения на Журфаке.

В аэропорт мы приехали быстро, в Стрежне все было близко. Я на фантазировала, что должно быть деревянное строение и была приятно удивлена, обнаружив здание аэропорта большим каменным сооруженным с огромными стеклянными витринами. Любуясь произведением архитектуры, я вскинула фотоаппарат и принялась щелкать налево и направо, увидела возле колонов, у входа Илью Николаевича, который махал мне рукой, тоже щелкнула и быстро шагая, выражая всем существом восторг, направилась к нему.

– Я очень рад, что ты приняла мое предложение поехать со мной в командировку, но объясняться не когда, идем на регистрацию, – деловито проговорил шеф, улыбнулся, и мне махнули его уши.

Мне не хотелось вникать в суть его слов, я ему верила, на себе испытал его заботу отца. Мне льстило его внимание. Я обернулась помахать водителю, который, облокотившись на капот, наблюдал за нами. Он поднял вверх большой палец, по губам я прочитала слог «Во», что означало выражение восторга. В ответ я подняла фотоаппарат и щелкнула, поймав водителя в объектив. Самолет быстро покати по взлетной полосе, оставив хлопоты регистрации позади. Я летала не впервые, но всегда реагировала на взлет и посадку одинаково: замуривала глаза, и затыкала носик, избавляя себя от давления в ушах, воздух хватала ртом маленькими глоточками.

– Восемьсот километров от Стрежня до Томска, нам лететь почти два часа, – осведомил меня Илья Николаевич. Завтрак та у тебя был? – спросил, но, ласково по-отцовски.

Я ойкнула, вспомнив, что вовсе забыла о том, что людям надо иногда покушать, и уставилась на главного редактора, зачем-то, прикрыв рот ладошкой, видимо, чтобы глупость не ляпнуть. Он улыбнулся, я вспомнила его машущие уши и тоже развеселилась.

– Вот командуй, – он снял сверху тяжёленький пакет и подал его мне, который плюхнулся на колени.

Я заглянула в пакет, в котором обнаружила разного размера свёрточки в пакетиках. Вытащив первый попавший, я развернула.

– Ни чего себе фаршированные блинчики, – почти, что пропела я.

– Ага, я люблю такие штучки крутить, а потом кушать, – Илья Николаевич довольно расхвастался.

Я догадалась, он готовил сам. Удивительно я ничего не знаю о своем начальнике, хотя удивительно не это, а то что, коллеги сплетничали обо всех, и ни разу не говорили о личной жизни начальника. Да умет он пресекать все посягательства на личную жизнь. Его авторитет не оспоришь.

– Илья Николаевич вы живете с женой? Простите за нескромный вопрос, – извинилась я.

– Да, если я жену назову бабкой. Это нормально? – Молодился он. – Деда во мне ты хоть не видишь? – Илья Николаевич улыбался.

– Нет, не вижу, – я сделала ему комплимент.

Он сделал свои умозаключение, решил, что мы достаточно узнали друг о друге, для столь откровенной беседы, которая последовала, сопроводив его руку на мою коленку, обтянутую джинсами.

– Яр – Слава, – растянув мое имя, завел дифирамбы Илья Николаевич. – Я пригласил вас посетить Таджикистан, моя племянница замуж выходит. Вы умненькая, понимаете все обставлено как командировка, оплачивает редакция наше с вами путешествие, – он как-то хитренько улыбался.

Он замялся, подбирая слова, а я уставилась на раздвинутые пальцы, которые с колени переместились чуть выше. Мысль молнией возникла в голове и застряла. Он мой шеф, начальник Илья Николаевич в меня влюбился, где-то точнее, когда-то, я дала повод поступить ему именно так. Начитавшись романов о начальниках и их подчинённых, я спроектировала в иллюзии служебный роман. В реальности я сама все придумала, шеф знал больше и делал что-то другое, никак не связанное с посягательством на мои прелести, нужно, что-то делать, и я сделала, и я поступила как наивная школьница, так брякнула глупость.

– Мне очень нравится, когда вы улыбаетесь, и ваши ушки машут, крылышками, – сказала я и покраснела.

– Ушки... крылышками... – он видимо решал – это признание в любви или сарказм, отмел барьеры, так как я сама их искусно строила на ровном месте и расхохотался. – Ну, да крылышками... не замечал, – проговаривал отдельно все слова сквозь смех.

Я присоединилась к его веселью, не заметив, как самолет, пошел на посадку. На автопилоте я повторила действие, заткнула носик и зажмурила глаза, опустила голову на плечо своему «Колобку» – теперь я имела права его так называть и засыпала его грудь и плечо кудрями. Он крикнул от удовольствия, я поняла девственность останется со мной, а ему я буду дарить ласку и нежность.

Я превратилась в заботливую, удобную, в меру кокетливую подругу в возрасте его дочери, а он в довольного кота из мультфильма «А вы были на Таити». Мы получили обоюдное удовольствие от присутствия каждого и единогласно подвели итог: путешествие сулит море приятных впечатлений. Багажом мы себя не обременили, поэтому подхватив по легкой сумке, из здания аэропорта города Душанбе мы вышли, весело беседуя о жизни на планете Земля. Я уяснила для себя, что, родня Ильи Николаевича всегда жила в Таджикистане, а он приехал молодым в Казахстан, сделал карьеру и уже 15 лет как руководит филиалом газеты «Нефтяник» Сибирского региона.

В Таджикистане светило яркое солнце, мы не задержались в городе Душанбе. Бегло знакомились с достопримечательностями, приехали в аул Кизляр. Встретили нас по всем тради-

циям гостеприимства. Я познакомилась со всей родней невесты. Оказалось, жена «Колобка», Таджичка, сестра ее, мать невесты, Таджичка вот и параллель родственной связи Ильи Николаевича. Что мне делать я уяснила, фотографировать налево и направо все, что связано с невестой и родней, хочет Илья Николаевич иметь фотографии, что не говори, а к старости томит ностальгия, хотя он молодиться.

Я была увлечена волной восторга, захлестнувшей мое сознание. Таджички в ярких национальных нарядах, состоящих из платьев самой безумной расцветки и пестрых платков, с многочисленными косичками на голове увенчанной тюбетейкой, пестрили везде, куда не кинь взгляд. В моем сознании присутствовала паранджа, покрывало закрывающее лицо, которое здесь отсутствовало, только взрослые женщины и старухи были обмотаны двумя – тремя платками разной величины, но лицо оставалось открытым. Первое время они мне казались все на одно лицо, нарисованные брови черным карандашом соединенные на переносице в чайку не позволяли мне их различать. Таджикский язык звучал щебетанием, я его не понимала, но по жестам, сопровождающим разговор, я угадывала, сколько внимания мне оказывают. Я подружилась с невестой, ее звали Фая, точнее Фая стала звать я ее, а на ее языке имя звучало так – Шарафат. Мне исполнилось 24 года, я могла смело называть ее девочкой, ей было 16 лет, но в Таджикистане с 13 лет выходить замуж считалось престижно, это означало, что девочка родилась красавицей. Фая была красавица даже в моих придирчивых суждениях. Большие глаза бусины – цвет агата, густые черные ресницы. Волосы заплетены в тугую черную косу, свисающую ниже талии. Тонкий стон и грудь уже успевшая наполниться соком, которую не мог скрыть национальный наряд. Фая неустанно говорила, о своем женихе рассказывая, какими он обладает достоинствами.

– А ты можешь рассказать мне, где вы познакомились? – вопросы я задавала профессионально, начиная все с самого начала. – Как у вас все началось? Где он тебя мог увидеть? У вас все дома закрыты высоким забором и рядами винограда. Дом-то стоит вообще в середине участка. Да ты еще и не учишься, – я высказывала свои мысли вслух.

– Ну, что ты Слава, мы познакомились не во дворе. Я ведь дочь старшая, а он гость моего дяди, – она перестала меня стесняться, и была очень откровенна. – Отец со мной не разговаривал, а мама передала волю отца. Он решил, что жених достойный, калым приличный. Я невеста, – произнесла она гордо и счастливо засмеялась. – Он красивый и не Таджик, я не знаю, кто он по национальности, но дети мои будут очень красивые. Он внимательно и нежно меня разглядывал, – гордо говорила Фая.

Весь остальной текст был на подобной волне о красоте жениха. Я не видела жениха всю неделю. Первая встреча произошла в день тоя, точнее первого дня начала свадьбы, которая будет длиться, целую неделю. Женщины будут готовить огромное количество еды, на улице, на костре. Готовят традиционный плов и много баранины варят в больших казанах, кушанья пахнут дымом от костра. Под огромным навесом, который окружает виноградник, сооружена шикарная беседка, устеленная пестрыми коврами. Пол устелен коврами, на которых стоят очень низкие столики. Столики уставлены все возможными дарами природы. Огромные подносы винограда и персиков в центре, их окружают большие пиалы с разным орехом, создавая великолепную композицию. Подносы с мясом и пловом горки прекрасных лепешек тесно размещены по всему столу. Остальное пустое место уставлено бутылками разной величины. Мужчины гуляют размеренно, их обслуживают женщины старшие жены в родне, золовки или снохи. Во главе стола сидит жених рядом с ним почетные гости мужчины и отец невесты. Они много кушают, много разговаривают, много пьют разных напитков, налегая на кумыс, всего делают много.

Женщины гуляют отдельно без мужчин, обслуживают сами себя. Невеста, разряженная как кукла в золотую порчу и разные драгоценности, дожидается в задней комнате дома прихода жениха в сопровождении мужчин, которое появились поздним вечером, перешагнули

порог дома, расселись в огромной комнате. Мать вывела невесту, держа за руку и завернутую в покрывало, которое искрилось золотом. Глядя на это создание, я любовалась ее красотой и хрупкостью не забывая щелкать фотоаппаратом. Мужчины сидели часа два, а невеста стояла за спиной жениха. Я разглядывала его в объектив фотоаппарата и удивлялась красоте этого мужчины. Тридцать лет мужчине, так для себя я определила его возраст. По правую руку от жениха восседал мой «Колобок» почетным гостем. Мы мало разговаривали за эту неделю, но виделись постоянно. Я помахала ему рукой, послав воздушный поцелуй, он улыбнулся, ушки махнули. Меня тронула волна его обаяния, я осознала, за что его уважают люди. Он воплощение обаяния в кругленькой оболочке. Далее невеста уезжала в дом жениха и оставалась там хозяйничать вместе с теми, кто живёт на женской половине дома, а жених возвращался утром и гуляли они еще два дня, потом родня жениха и невесты считалась породнившийся, такие правила установили люди из прошлого, назвав всё – традиция. Меня удивило то, что у жениха родни нет. Только два друга с женами присутствовали на тое, жены были среди женщин, а два друга, где-то возле жениха вертелись.

Глава №4

Таджикистан. Фундамент преступления

За три месяца до свадьбы.

Самолет пошел на посадку, выпустив шасси, колёса застучали по бетонке. Красивого, элегантного мужчину, город Душанбе встретил игривым ветерком и мерцающими лучами солнца. Деревья красовались свежей зеленью, недавно расставшись с великолепным цветением, это время года люди называют поздняя весна. Мужчина был одет в кожаный плащ, который не было нужды застегать. Хлопая небольшим чемоданом по полам плаща, он уверенно пересек здание аэропорта, направившись к стоянке таксистов. Весь его облик хозяина жизни, демонстрировал уверенность в себе, а главное он знал, что ему нужно и зачем он здесь.

Мужчина с полчаса разговаривал с таксистами, которые кучкой стояли возле одной из машин. Вопросы задавались общего характера о жизни в городе. Например, где можно снять квартиру? Гостиница красавчику не нужна. Один водитель вспомнил, что знаком с бабушкой и согласился подвести. Не прошло и двух часов, как мужчина скинул плащ с плеч, бросил его на крепенькой стульчик, стоявший в комнате, где вся мебель кровать и стол были старенькие, но все чистенькое и уютненькое. Приложением ко всему бабушка – одуванчик заботливая и незаметная, которой можно рассказать любую сказку о патриотизме, и она поверит, как в молитву «Отче Наши». Тихонько поставила подносчик с красивой сахарницей и горкой стряпки в тарелочке к самому краюшку стола и удалилась. Не мешая красавчику стоять спиной к ней возле окна, тихонько прикрыла двери.

Вздохнув с облегчением, красавчик кинул на кровать чемодан, набрал код на замочках и, откинув крышку, устался на дно чемодана, разглядывая содержимое. Вытащил аккуратно сложенный атлас и несколько листов формата А4. Стал внимательно изучать карту города Душанбе и ближайшие аулы, его заинтересовал Кизляр. Разглядывал еще какой-то время точки на карте, помечал что-то крестиками, потом отодвинул в сторону. Взял белые листы формата А4, сложил перед собой стопочкой и задумался, подперев подбородок кулаком.

Мысли красавчика остались неизвестными, а листы он заполнял красивым ровным почерком, выводя каждую букву, таким образом, печатая текст. Два листа рекомендательные письма, два листа характеристики данные ему якобы на предыдущем месте работы. Один лист путевка направления на Кизлярское водохранилище. Подошел к кровати вытряхнул все содержимое чемодана на кровать, изнутри аккуратно вытащил днище и достал коробочку, сантиметра три высотой и сантиметров двадцать длинной. Открыл крышечку, разглядывал содержимое, вернулся к столу. Извлек два оттиска печатей одна гербовая, а другая проще – характерный штамп. Листы с приготовленным текстом заверил и на три чистых листа поставил гербовую печать. Вытащил из нагрудного кармана паспорт. Заглянул в него и обменял с тем, что лежал на дне коробочки. Все действия, произведенные красавчиком, были направлены на создание новой личности, рожденной в укромной съемной квартире. Уложив все в обратной последовательности в тайник чемодана, он на другом листке составил план дальнейших действий. Действия мужчины были не мудрёные, он создал себе легенду для того чтобы жениться на Таджикской девушке.

От Душанбе до Кизляра было километров сто. Красавчик знал, что ему делать. Он вышел в город, купил кучу газет с рекламой, вернулся после длительной прогулки, остался очень довольным, за сутки пребывания в чужой жизни он стал своим, стал рыбой в воде. Познакомился с риелтором. Нашел хороший дом, снял его на неопределенное время. Сам же прибегая к подделке бумаг, изменил пару фраз в договорах, сделав дом и прилегающую землю частной собственностью. За сутки, превратившись в перспективного жениха с престижной работой

инженера. Готово, поехали искать отца, у которого есть дочка. Традиции понятны. Отец сам решает, за какие деньги продать дочь, дочь до свадьбы не увидит жениха, а там она воплощение его мечты и желания, он их вынашивал долгие годы. Он жил этой мечтой, зная, что она осуществится.

Беда наступает на пятки

Мать усадила невесту на заднее сиденье черной волги, пряча в платке слезы, понимая, что воспротивится многовековой традиции она не может, да и с рождения своих дочерей таджикские матери знают, что их в ранней юности (по меркам русской морали) отдадут мужчинам. Я с любопытством наблюдала проводы, приметив, что жениха нет в поле зрения. Фая сидела фарфоровой куклой, я и мать толклись возле раскрытой двери машины. Из дома вышла толпа мужчин, «Колобок» низеньким ростом маячил за рослой родней, но его присутствие я чувствовала. Жених сбежал с крыльца последним, избавившись от объятий тестя и быстро обогнав толпу, направился прямо на нас. Я щелкнула фотоаппаратом, направив его на жениха. Он мельком взглянул на нас, как на назойливых мух, мы отошли в сторону. Уселся на заднее сиденье, не удосужившись захлопнуть дверку или понимал, что рукопожатий ему не избежать, чем и занялся следующих полчаса. Закончив экзекуцию церемонии прощания, «Колобок» подошел к нам. Женщина прятала глаза, а я пялилась на его тюбетейку (головной убор у таджиков), понимая, что как сувенир, она выглядит богаче, чем та, что на моей голове красовалась.

– Что завидуешь, хороша, да? Ручная работа местных мастериц. – «Колобок» снял ее со своей головы и добавил. – Ну что, обмен произведем, не глядя? – он улыбался.

Я с радостью бросилась к «Колобку» на шею, звонко чмокнув в щеку, и ухо, изображая жутко обрадованную непоседу, понимая именно такой реакции, ждал от меня начальник. Заглянула в его счастливые щечки, из которых выбилась слезинка, то ли от жаркого солнца, то ли от счастья, водрузила на его кругляш свою тюбетейку, вышивка которой была скромнее, но тоже не из худших работ мастериц. Оглянулась, сообразила, что отъехала волга, увозя мою подругу Фаю в неизвестное направление.

– Илья Николаевич мне ее жаль, – грустно проговорила я, глядя на клубы пыли.

– Это традиция таджиков, с ней не поспоришь, но мне жених показался темной лошадкой, но я хочу верить в добро, пусть жизнь Шарафат сложится счастливо. Я не безучастен к ее судьбе, она крошкой росла у нас. Старухе моей было скучно, мы забирали её к себе, – он махнул рукой. – Пошли в дом. Погуляем денька два и поедим на Север. Смотри, ты как загорела. Лето начинается. Дел под накопилось, завтра на щелкай природы. Рубрика «Обо всем» освежиться, – он вдруг вспомнил, что является руководителем и дал мне указание поработать.

– Слушаюсь мой «Генерал», – я повисла на его руке, двигаясь в дом, весело делилась впечатлениями о природе, погоде и людях.

В Таджикистане я много нового открыла для себя. Начну с того, что так тесно познакомилась с другой национальностью. Этот гостеприимный народ на дарил нам кучу разных безделушек. Интересно и искусно сделанные плётки, которые они называли «Камча», видимо в переводе «Бич». Предлагали разные ремни из чистой кожи, я выбрала себе один, повесив на бедра, решила не расставаться с такой красотой. Все подарки пришлось складывать в большой баул. Я положила в баул двадцать пар носков из натуральной козьей и овечьей шерсти. Поблагодарила мать Фаи, подчеркнув умение тетушек Фаи вязать теплые вещи. Мне досталась огромная шаль из ангоры, я не думала о холодах Севера, а мать Фаи одела шаль на мои плечи в жару, сказала: «она согреет и охладит, у тебя жизнь впереди. Твое преимущество в национальности». Я понимала, как она любит свою Фаю и как умна эта женщина, но традиции предков, запрещают женщинам показывать свой интеллект. Я с любовью прижалась к ней, всем телом, мы были в комнате одни. Она больше не смогла удерживать слезы и обливаясь ими плакала, одна за всех предков женского пола, без криков и причитаний, молча, трагично, пото-

ком соленой лавины, слезы впитывали в шаль, которая висела на моих плечах. Я переживала за нее, за ее любовь к Фае и беспомощность. Я все, что могла сделать, сделала – это гладить по голове страдающую женщину, с головы которой давно упал платок и с силой закусить губы. Нам никто не мог помешать, эта половина в доме женская и здесь обитают только женщины, уважая старших, а мать Фаи здесь старшая.

Почему я покидала Кизляр с тяжелым сердцем, я не понимала, что-то во мне надломилось? Я интернатовская, я сирота и любовь матери только в моих желаниях, но я понимала, что дело вовсе не во мне, а в чем-то другом.

Глава №5

Взрослеют не годами, а душой

В Томск мы прилетели ночным рейсом, я вытащила из сумки шаль с ангоры, она в ночную прохладу меня согрела, шерсть комфортно укутала мою фигуру, я чувствовала себя взрослее, обновленной. Даже «Колобок» это заметил, вглядывался в моё лицо, прислушивался к голосу.

– «Яр и Слава», ты стала взрослой девочкой, – как-то тихо и душевно проговорил Илья Николаевич. – Много таинственного дала тебе поездка в Таджикистан, я чествую твои перемены, которые светятся в твоих глазах.

– Наверное, я поняла, как мне важно осознавать вашу отцовскую заботу. Я ведь интернатовская, – почему-то со слезами в глазах, немного хрипловатым голосом проговорила я.

«Колобок» густо покраснел, я не поняла его вспышки эмоций, почему он краснеет, наверное, реагирует на слово «отец», подумала я. В душе он не стыдился любви ко мне, сам переоценил чувства и осмелился предложить мне, стать моим заботливым отцом.

– Ярослава приедем в Стрежень, поедим, доченька сразу ко мне, познакомлю тебя с Надеждой, можно? – уверенно заявил начальник.

Я уставилась на Илью Николаевича, округлив глазенки слово «доченька» медленно доходило до моего осознания.

– Хорошо, я не отказываюсь, но очень не хочу быть вам обузой, – почему-то я стала бормотать каждое слово, и сама густо покраснела.

Я прижалась пылающей щекой к плечу Ильи Николаевича, мы сидели в зале ожидания, выжидая посадки на «АН-24», который нас доставит в Стрежень, после трех часов полета на большом самолете. Осознавая, что путешествие завершается и до дома остается один перелет, я загрустила, решила позвонить подруге, на том конце линии ответили сразу.

– Маша, я из аэропорта в Томске звоню, скучаю! – без приветствия, я заявила подруге.

– Отлично, я так понимаю это конец путешествия, – Маша не спрашивала, она утверждала.

– Ну да, – как-то грустно отозвалась я.

– Как свадьба? Загадочная? Фотографий вышлешь? – Маша спрашивала и после каждого вопроса говорила хи-хи.

– Вышлю фотографии, где много Таджикив в пестрых одеждах, и мы в тюбетейках, – сообщила я.

– Кто мы? – Маша хитренько задала вопрос, типа забыла, с кем я отправилась в путешествие.

– Я и мой шеф, – отозвалась я в телефон и начала улыбаться, мне нравилась Маша манере вести диалог.

– Очень мило, ну привет ему передавай. Молодой? – Маша загадочно растягивала слово «молодой».

– Кто молодой, шеф? – как-то совсем не специально, я тупила.

– Нет, жених, – весело уточнила Маша.

И все обстановка разрядилась. Настроение мое подскочило, плюсуя положительные эмоции. Еще немного поболтав, мы простились до звонка, зная, что так будет всегда, мы будим созваниваться. Пока я болтала с Машей, шеф понимающе отошел в сторону и вернулся с мороженом.

– Знаешь, я помню, что все дети любят мороженое, – он протянул мне два эскимо на палочке.

– И я помню, что взрослые его тоже любят, – улыбаясь, отозвалась я.

– Это ты говоришь о себе или обо мне? – Илья Николаевич опустился на Лавочку возле меня.

– О нас, вы не возражаете? – Я протягивала ему одно эскимо.

– Даже вкус его забыл, – засуетился мой начальник.

Душевное веселье не покинуло нас, и в то время, когда мы спускались с трапа маленького самолетика в Стрежне. Нас встретил водитель Ильи Николаевича. Я знала, что он в Томске давал телеграмму извещал о прибытии.

– Шеф кого первого завозить домой? – деловито уточнил водитель. Уместный вопрос задал Игорь, не подозревая о нашем решении.

– Игорек, нас обоих ко мне, – распорядился Илья Николаевич, и без того узенькие глазки шеф сузил в щелочки.

– Желание шефа закон, – отозвался понятливый Игорек, не задавал больше вопросов, поэтому и работал пятый год при «Колобке».

Я немного нервничала перед встречей с женой шефа. Он спрашивал, как-то может ли называть ее бабкой? «Значит она старая» – фантазировала я себе. Вспомнила старуху Изергиль у Пушкина, и придумывала себе, худую, почему-то жадную, именно такой я думала, должна быть жена шефа. Пока я фантазировала, мы успели подняться в лифте на пятый этаж и войти в просторный коридор четырех комнатной квартиры вместе с Игорем. Он занес две сумки, а я неслась еще одну.

– Илюшенька слышу, иду, иду, – раздался мягкий, добродушный, приятный голосок из глубины квартиры.

– Кашеварит. Мы к столу поспеваем, – довольно промурлыкал Илья Николаевич и раскрыл, объятия принимая в них свою старуху.

Ох и схитрил шеф. Женщина была бальзаковского возраста, лет на десять моложе его. Обрусевшая Таджичка оказалась очень милой и пышногрудой. Она волосы красила в светло – русый цвет и много волос уложила в виде шиньона на макушке, аккуратно подколов все прядки шпильками, к тому же, ее кожа не была смуглой, поэтому юбка до колен открывала белые икры и Надежда была похожа на пышку.

– Ну, как? – глядя на меня, через плечо Надежды спросил шеф, сверкая улыбкой.

Я кивнула, к чему не понимаю, но уже обернулась ко мне Надежда и, улыбаясь, излучая добро, проговорила.

– Илюша о вас рассказывал, будьте как дома деточка, – ласково проговорила «пышка».

Услышав подобную речь, из моих глаз, почему-то хлынули слезы. Я уткнулась в плечо Надежды и решила затопить слезами весь мир.

– Пусть поплачет, слезы всегда помогают. Не топчись, иди в кухню, стол я собрала. Мы по-женски, по-своему, все пойдем и придем. – Надежда указала Илюше, что делать, когда он топтался, не понимая, чем помочь и как себя вести в подобных случаях. – Пойдем, деточка провожу тебя в ванную. Вода всегда смывает горе, – ворковала Надежда.

Так и есть, после ванной выложенной кафелем в красно – черных тонах, я вышла обновленной. Пока я шмыгала носом, раздеваясь, Надежда всунула руку со стопкой вещей и словами – «это тебе». В стопочке я обнаружила халатик, комплект нижнего белья и полотенце. В сознании мелькнула мысль, вещи новые для меня, меня ждали в этой квартире. В чем я и убедилась, зайдя в кухню к накрытому столу. Игорь уже удалился, а они, мой шеф и Надежда сидели на уютном мягком уголке и мило ворковали, точно обо мне.

– Мы о тебе говорили! – сказала Надежда. Я в нерешительности застыла в дверях.

– Иди дочка к столу, – мягким голосом проговорил Илья Николаевич. – Слушай, что мы надумали. Тебе лучше пока переехать к нам и Надежде будет, повеселей, совсем ведь одна она у меня.

– Ну, комнатка у тебя будет своя. Вон ведь, сколько места у нас, – махнул рукой в разные стороны шеф.

– Вон ведь, сколько места у нас, – эти слова произнесла Надежда, эхом вторя мужу, как бы подтверждая и свое желания.

– Поживи с нами, пока денег тебе накопишь. На продукты тратиться не к чему, а квартира на Ермакова будет за тобой, можешь бегать туда. – Илья Николаевич волновался, уронил вилку, которую крутил в руке и говорил.

– Ой, Илюша да, что ж мы налетели на ребенка. Пусть осмотрится, сама решение примет, мы сделали предложение. Давай, давай кушать, что же ты истуканом сидеть, – захлопотала Надежда.

– И правда, про вино забыл. Давайте за встречу махнем, – предложил он, ловко ввинчивал штопор в пробку.

– Какая вкусность! – прозвучали первые слова, которые я произнесла, опомнившись от предложения полного любви и заботы.

В душе я ликovala, я так хотела, чтобы у меня были родители. Наверное, у всех интернатовских возникает подобное желание. Серьезного разговора больше не последовало. Мы разговаривали обо всем, наперебой с Ильей Николаевичем рассказывали о Таджикистане, я пообещала поторопиться с проявлением фотографий. Рассказывала о подарках, которые мне подарила сестра Надежды, мать Фаи, когда мы уже сидя в зале, растрясли клетчатый баул, в котором были безделушки, посланные таджикским родственникам для Надежды. Она их рассматривала бережно и улыбалась вниманию сестры и многочисленных тетушек.

– А, я ведь им каждую осень посылаю посылки с кедровыми орешками, – этими словами Надежда выказала любовь, к своей родне в Таджикистане.

Спать меня уложили в отдельной комнате, где аккуратно была расставлена красивая мебель, сделав из комнаты одновременно и гостиную, и спальню, потому что диван раскладывался в шикарное двуспальное ложе. Комната мне очень понравилась.

– Я очень хочу жить в этой комнате, – заявила я, Надежде, стоявшей за моим плечом и провожающей меня в сон.

– Спасибо, что поняла, как мне одиноко, – она погладила меня по спине подталкивая преодолеть нерешимость.

С утра меня никто не разбудил. Вчера вечером я забыла спросить у шефа как работать. Соскочила и бросилась искать Надежду, узрев, что стрелки часов приблизились к 11:00, я двинулась на шум в кухню.

– Надежда... – я подбирала слова, еще не понимая, чему волнуюсь.

– Ярочка, выспалась? Илюша ушел в редакцию и просил тебе передать, что твой рабочий день завтра. Сегодня ты еще в командировке, – Надежда улыбалась.

Я шумно, благодарно, с облегчением выдохнула, понимая, что меня балуют вниманием и заботой. Я крутанулась на пятках босых ног и бросилась умываться, приободрённая запахами кухни. Завтракая, мы весело проболтали часа два, я предложила Надежде сходить со мной на Ермаково, так называлась улица с деревянной квартиркой, с Санькой соседом и таинственным жильцом, напротив. Сидя в уютной кухоньке на пятом этаже и беседуя с Надеждой, я поняла, что по-другому ее называть не буду. Она всегда будет Надежда, воплощение моих тайных надежд, что в действительности и произошло. Я вспомнила таинственного жильца, точнее поймала себя на мысли, думая о том, кто он? Но, Надежда отвлекла меня сборами на выход и своим воркованием.

– Ярочка, а в магазины заглянем? Тебе надо стол в комнату поставить? Ты ведь очень много будешь писать? – хлопотала Надежда по-матерински.

– Я обычно стараюсь все оформить в рабочее время в редакции. Ну, я как все писаки заваливаюсь работой и потому постоянно, что ни будь, тащу домой, – оправдывалась я.

– Ни чего, ни чего, вон Илюша всю жизнь писака, я привыкла, – беседа в духе заботы обо мне, мы потихоньку добрались до Ермакова и сразу наткнулись на Саньку, этот громила заорал во всю мощь своего роста и бросился сгребать меня в охапку.

– С приездом, с возвращением, – гремел Санька, слегка меня подкинув.

– «Дылда», напугал своим поведением девчонку, – добродушно пожурела его Надежда, видимо увидев мои огромные глаза нараспашку.

Мы все ввалились в квартирку, там было чисто и не пыльно, тетя Галя исправно исполняла взваленные на себя обязанности, видимо из-за склада своего характера или без мерной любви к Илье Николаевичу. Руководствуясь принципом: «Кому, шеф уделяет внимание, того уважаю, и я». Мы не успели засидеться, как в двери скромно постучали. Мне даже гадать не нужно было, кто пришел, я знала, что тетя Галя с визитом уважения пожаловала.

– Тетя Галя я рада вас видеть! – уже теснясь в узком коридорчике, я впустила ее.

– А я иду мимо, дай думаю, загляну, авось соизволила гулена, домой пожаловать! Ой, да у тебя гости. Здравствуйте Надежда Султанова, – тетя Галя склонила слегка голову, кланяясь Надежде.

– Здравствуйте Галенька! – радостно отозвалась жена шефа.

– Так понятненько, – говорила тетя Галя, улыбаясь. – Вы знать взвалили на свои плечики заботушку о сиротинушке и моя помощь не нужна? – в голосе тети Гали звучали душевные, ревностные нотки.

– Да и моя помощь не нужна, съезжает Ярослава, – Санька не удержался, бросил свои две копейки.

– Ой, да как же, да куда же, вы собрались кочевать? – закудаhtала, хлопая руками по толстым бедрам хохлушка!

– Илюша решил, что Ярочке у нас будет спокойнее, ведь молодая и одна, в чужом городе без отца и матери, – Надежда ласково говорила и смотрела на меня.

Надежда решила все точки расставить над «И» одним высказыванием, сославшись на авторитет мужа. И расставила, так как тетя Галя понятно с уважением к шефу, закивала головой, принимая его решение как закон. Санька глубоко мысленно потер лоб и задал нужный вопрос.

– А в квартиру кто въезжает?

– Никто, она остается за мной, под твоим бдительным присмотром. Здесь будет моя фотолаборатория, – объявила я, хлопая в ладоши.

– Ура! – «Дылда», вскочил со стула в свои два метра с легким прыжком, почти коснулся потолка.

– Тише, бешеный, потолок проломишь, вымахал то к небу, – Надежда погрозила пальцем.

Я поняла, что журить любила Надежда без злобы, потому что улыбалась. Мы попили чаю и отправились восвояси. Оставив тетю Галю в квартире, она изъявила желание пыль вымести, у нее были свои ключи, у меня свои, поэтому ждать и догонять нам не пришлось друг друга, каждый был занят своим делом. Я оставила на столе сумку с кассетами не проявленной пленки, с намерением, как только появится время, приступлю к обработке информации о Таджикистане. Напишу статейку, подберу фотографии в сопровождение тексту, что мой труд понравится шефу, я не сомневалась. Я знала, точнее, поняла главное в рабочее время Ильи Николаевич, будет для меня строгим работодателем и требовательным учителем. В чем я и убедилась, начиная работу с утра следующего дня.

Глава №6

Утро вечера мудрее

Утром мы проснулись, скорее всего, в разное время, но в 7:30 все собрались в кухне при параде. Потрясающая семейная традиция, когда собирается за столом в одно время вся семья, меня обрадовала.

– Я в объединение, – заявил шеф, и продолжил в роли отца, – ты дочка в редакцию и приступай к работе. Информацию о Таджикистане в рубрику готовишь на конец квартала, а то и на начало следующего, так что не торопись, все взвесь и обдумай.

Он чмокнул меня в лоб и удалился в 8:00 за входные двери. Мне выдвигаться из дома было еще рано, мой рабочий день начинается с 9:00, поэтому я подперла кулаками лицо и уставилась в окно.

– Он не строгий, он требовательный, – Надежда почему-то решила, что его надо обязательно оправдывать.

– Да, я не сержусь. Я коротаю время мне ведь к 9:00, а дойду до редакции за 20 минут, – объяснила я, почему не вышла вместе с шефом.

– Ну, давай еще чайку. Ты ешь оладушки, а то он какая худющая. – Надежда, вела себя как все заботливые матери.

– Я стройная, – отозвалась я, мне стало весело и тепло на душе, ведь обо мне заботитесь, за меня переживали, а из таких мелочей состоит любовь.

Коллеги меня встретили шумными расспросами и приветствиями. О работе в ближайшие два часа не могло быть и речи, было все как в славном добром коллективе, в котором стараниями Марины Андреевны царило доверие, понимание и взаимосвязь. С Максимкой я снова разъехалась. Пока находилась в отъезде я, он работал в отделе, а вчера ему шеф подписал выездную командировку на три месяца с бригадой статистов, куда-то в ближнее зарубежье. Так и получалось, что я уже восьмой месяц тружусь в редакции, а с единственным коллегой мужского пола в отделе не познакомилась. Мое отсутствие и переезд к шефу, только укрепили мои отношения с Евой.

Оказалось, что шеф живет в 313 доме, а Ева в 306, то есть ее дом торцом упирается в дом шефа. И позже, я смогла из окна своей комнаты увидеть Еву на балконе зала и помахать ей рукой. Мы стали встречаться на углу моего дома и вместе ходить пешком на работу. Стрежень был устный городок, и транспорт для передвижения из одного конца в другой не требовался. Без труда можно была за 40 минут пройти от одной окраины до другой. Три месяца я провертелась как белка в колесе. Только вечерами вспоминая, что к обработке информации о Таджикистане так я не приступила. Благо шеф, сразу оговорил сроки и меня совесть не грызла за нерасторопность. В конце квартала мой умный, понимающий Илья Николаевич, сидя за ужином, предложил, ведь дома он отец покровитель.

– Ярочка завтра в 9:00 заедешь в редакцию заберешь у Ларисы командировочный лист, если хочешь поехать в командировку.

– Я в командировку? – в вопросе прозвучала грусть, от того, что мне очень спокойно и беззаботно жилось у них, а надо ехать.

– Не обольщайся, что покинешь нас, – шеф специально меня дразнил. – Ты будешь работать с материалом о Таджикистане на дому, ровно неделю, и через неделю положишь мне на стол великолепный текст со снимками. Задача ясна?

– Восхитительно! – Свой восторг я выразила тем, что, соскочив со стула, громко чмокнула добродетелям в лысину, чем вызвала радостный смех облегчения и у Надежды.

– Илюша я ведь тоже к Ярочке привыкла! – Почему-то с упреком Надежда посмотрела на мужа.

– Да вы, что на ночь глядя трагедии разыгрываете, я вас не разлучаю, не тиран, все понимаю, – шеф-отец улыбался.

Мы поняли, что и ему обе очень дороги, чмокнули его в щеки с двух сторон, даже не сговариваясь, что развеселило всех. Три дня я копалась с проявлением пленки, её набралось кассет 50. Да еще с редакции передали кассет 20, то есть работа с фотографиями стала плюсом к моим доходам. Так продуманный шеф – отец, уловив мою любовь к новому, организовал мой дополнительный доход. Я уже достаточно овладела искусством фотографии, мастерски научилась управляться с химикатами, фотобумагой и фотопленкой. Даже могла назвать себя мастером фотографий, мастером кадра. И потом год практики сделали свое дело, я набила руку или как звучит народная мудрость: «На этом деле, собаку съела». Через три дня передо мной лежала горка фотографий, отснятых в Таджикистане, я разглядывала их, вспоминая живое общение. Всматриваясь в фотографию, на которой красовался жених, на фоне черной волги, меня что-то смутило, но я не могла уловить, что именно, меня отвлекла трель сотового телефона.

– Алло, привет... – шёпотом, говорила в телефон Маша.

– Маша, я так рада тебя слышать, – я тоже зашептала, неподдельно радуясь, встретила Машин голос. – Маша, а почему шёпотом говоришь?

– Чем занимаешься, подруга? Просто так, чтобы не спугнуть волну радости, – продолжала шептать Маша.

– Я, да вот, пялюсь на фотографии, только что закончила их печатать, не могу понять, что меня тревожит, когда я в них всматриваюсь, какие-то искры тревоги мелькают в сознании, что-то неуловимое тревожит, – я перестала шептать, порадовалась Машину умению развеселить и говорила, улыбаясь, серьёзные вещи, которые меня тревожили.

– Я уверена, тебя волнует жених. Поэтому бери конверт и складывай в него все фотки, которые тебя волнуют, – деловито предложила Маша.

– Нет, жених меня не волнует, но фотографии я тебе вышлю завтра с утра, брошу в ящик, – вглядываясь в снимки, отозвалась я.

– За что и дорога, что тебе не нужно повторять два раза. Жди звонка, целую, – так Маша со мной прощалась.

– Жду, скучаю!!! – Так я реагировала.

Еще, какое-то время я перекладывала фотографии, отбирала снимки для Маши и понимала, что в душе возится червяк, который назван людьми предчувствием. Мое предчувствие получило имя «Беда». Потому что, когда я пялилась на фотки, в сознании звучали слова из песни про «Беду».

1. У беды глаза зеленые.
2. Не простят, не пощадят,
3. С головой иду склоненною,
4. Виноватый прячу взгляд.
5. В поле ласковое выйду я,
6. И заплачу над собой.
7. Кто же боль такую выдумал
8. И за что мне эта боль.

Я мысленно перебирала строчки песни, пересчитывая их, что-то не понятное, неуловимое во взгляде жениха заметила. Глаза стали наполняться слезинками, потому что я напряженно, всматривалась в фотографии. Я решила, что слезинки мне мешают уловить тему моего беспокойства. Пришла Надежда меня навестить с горячими пирогами. Отвлекла от темы «Беспокойства».

– Совсем заработалась, – вздыхала моя кормилица. – Я Галине сказала, что сама навещу тебя днем. Хорошо хоть на ночь домой ходишь. Много еще работы? – хлопотала Надежда, разливая чай.

– Спасибо, – поблагодарила, я за чай. – Нет, пару дней и закончу, – ответила я, подтирая под глазами слезинки.

– Ох, трудная работа писаки. Вон у Илюши тоже частенько глаза воспаляются, но в его щелочках не так заметна болезнь, а в твоих огромных, все как в зеркале, – жалела меня Надежда.

Мы посидели с часок в кухоньке, развлекаясь болтовней. Я попросила Надежду отправить письмо и заявила, что вечером будем наслаждаться, разглядывать фотографии свадьбы. Ради такого случая я пораньше закруглилась с работой, и поспешила в 313, Илья Николаевич уже был дома. Надежда звонила ему и поторапливала, он ее уважал поэтому, не задерживаясь, прибыл восвояси.

– Сначала ужин, потом смотрины, как Султанова хватит сил приструнить любопытство? – шеф прищурился.

– Хватит терпения, а то насмотрюсь, расплачусь, не до ужина будет, – отозвалась Надежда.

– Вот замечательно, я даже их не вытащу из сумки до конца трапезы, – строго проговорила я, в упор глядя на шефа.

Я подыгрывала общему настроению, что не говори, а любопытство коварная штука. Обычно ужинали с чувством, толком и расстановкой, в душевной беседе, а сегодня почти в тишине с загадочной улыбкой на губах. Все поняли, желание каждого посмотреть свадьбу поднимает сахар в крови. Наконец-то переместились в зал, я принесла пакет с фотографиями и уронила его посреди зала. Они сыпучей стрункой разметались по паласу, поэтому все уселись на пол вокруг оригинальной россыпи. Фотографии брали все из рассыпки и складывали возле себя стопочкой, чтобы обменяться теми, что еще не видели. Надежда взяла первое фото, где Фая точнее Шарафат, еще не в свадебном наряде позирует мне в саду.

– Илюша, какая она еще ребенок и замуж, ох, ох, – сетовала Надежда.

– Наденька, это традиция и от неё никуда не денешься, – грустно отозвался шеф.

– А, это жених? – спросила Надежда, протягивая мне фото, где он стоит у волги.

– Да, он самый жених, – во мне бессознательно закипела волна злобы, сразу, как только взгляд упал на жениха. Я даже успела удивиться, почему так происходит!

Надежда разглядывала Фаю в наряде невесты. Взяла фото, где на снимке стоит одна Фая в дальней комнате. Я считала, что этот кадр самый удачный, на белом фоне стены все золото Фаинового наряда смогла подчеркнуть. И Надежда, взглянув на него, моментально облилась потоком слез, и разгонялись рыдания, как быстрый поезд – экспресс, увеличились потоки слез. Глянет на фотографию, и рыдать, прижмет фотографию к животу, и рыдать.

– Надя, да, что с тобой? – укоризненно, шеф сделал замечание. – Ты как будто покойника оплакиваешь, а не свадьбу смотришь, – шеф вопросительно уставился на жену.

– Да сама не знаю, что со мной, откуда-то из глубины горе черное ползет и слезами выливается. Пойду, прилягу, ладно? – как-то жалобно проговорила Надежда, оправдывая свое поведение.

Мы оба согласно закивали. Я очень удивилась реакции Надежды, но виду не подавала, собрала снимки и сунула их на нижнюю полку в шкаф, не желая, чтобы они попались Надежде завтра на глаза, а потом подумала, унесу их на Ермакова.

Материал о Таджикистане в начале квартала разместили на первой полосе, сопроводили фотографиями. Рубрика «Обо всем» была читаемой страничкой в газете. Шеф был доволен моей работой, моим отношением к работе и нашим совместным путешествием. Меня устраивало все, я старалась изо всех сил. Я много работала и училась всему, что встречала нового.

Небеса послали знак

Четыре месяца прошло с того времени как мы ездили в Таджикистан. Мне понадобилось сходить на Ермакова, время было позднее для прогулок одной по городу. Я позвонила Еве и предложила прогуляться по вечернему городку. Ева жила с матерью пенсионеркой. Они пять лет назад приехали в Стрежень из Таджикистана. С квартирой им повезло, они совсем немного пожили в общежитии, заработали денег и добавили к сбережениям, купили двухкомнатную квартиру в панельном доме. Жених у Евы был, но почему-то они не собирались пожениться. Поэтому ей очень нравилась наша ненавязчивая дружба, к тому же мы были коллеги. Вечерний городок жил очень оживленной жизнью. Гуляли все, нам встречались молодые семейные пары, гуляющие с детьми. Ведь, по сути, городок молодой, весной будет отмечать юбилейный день города, ему исполнится 30 лет.

Центральная улица называлась «Нефтяник» была с аллеей в центре. Красовались молодые березки, сверкали свежей краской не обшарканные лавочки, они стояли цепочкой под «русскими красавицами», между которых гнездились клумбочки. Мэрия городка старалась во всю создавала уют, украшала улицы, из городского бюджета выделяя солидные средства, тем более бюджет «нефтяного сердечка», которым являлся Стрежень, позволял шиковать.

– Будешь заходить со мной в квартирку? – спросила я у Евы.

– Да я как раз пить захотела, – пряча любопытство, отозвалась Ева.

– Тогда пойдем, чайку попьем, нас дома семеро по лакам не ждут. Можем позволить себе гулять допоздна, – предложила я.

– Радуюсь, что на работу к 9:00, всегда засиживаюсь допоздна у телевизора, – сообщила Ева мне свой маленький секрет.

Разговаривали о мелочах, мы зашли в подъезд с тусклым освещением.

– Стукну соседу, может ему не спиться? – открывая квартирку приготовленными ключиками, я пропустила Еву в распахнутую дверь. – Свет на правой стене включается, нашла? – я ориентировала Еву, которая топталась в темном коридорчике.

Не успела я договорить, как в открытую дверь хлынул яркий свет, освещая всю площадку трех квартир. В глазах от ярких лучей прыгали блики, я замешкалась на площадке, и уставилась в пол, вздрогнула всем телом, потому что взгляд наткнулся на большую звезду от генеральских погон. Такие звездочки были сокровищем в моем мешочке с детства. Сейчас мешочек я хранила в 313 доме в сумке с документами. Мои мысли вертелись с бешеной скоростью, откуда эта звездочка? Почему она валяется в подъезде между лестничной площадкой, кто ее потерял? Кому она принадлежит? Из дверей своей квартирki высунулся Санька. Я подняла на него глаза, в которых видимо, горел испуг, удивление и непонимание.

– Что случилось? Ты в порядке? – Санька уставился на меня удивленно.

Сашка сделал шаг на лестничную площадку из своей квартиры и зачем-то стал топтаться на месте. Я опустила глаза на пол, он вертелся почти на том месте, где я только что видела звездочку, которой под его ногами не было видно. Я быстро кинулась к Саньке, отпихивая его в сторону. Стала шарить глазами по всему освещенному пространству, но звездочки нигде не было видно. Я думала о том, что ее Санька затоптал своими огромными ножищами или столкнул в шель.

– Ярка, что случилось, ты что ищешь? Давай помогу? Только скажи, что надо найти, ты, что-то уронила? – Санька бубнил, извиняясь, видя мою растерянность.

Санькин голос, точнее настойчивое похлопывание по спине, заставили меня сообразить о непонятности моего поведения в глазах других. Как я могу объяснить Саньке, что здесь только что лежала звездочка, а сейчас ее нет, что звездочка с погон – это моё сокровище, но я не могла её здесь потерять, что звездочка, которую я видела не моя звездочка, а была ли вообще звездочка? Я вздрогнула от собственных мыслей, подозревая себя в невменяемости. Ну, что

объяснять, когда я сама усомнилась, была ли на самом деле звездочка или мне привиделось, мое объяснение прозвучит как бред, тем более уже и Ева стояла в дверях и внимательно смотрела на нас.

– Мне показалось, что я ключ уронила, а они просто торчат в дверях, – я попыталась объяснить свое поведение. Я улыбалась, давая понять, что осознанно так поступаю.

– Видимо часы переработки, проявляются на поведении, – проговорила Ева и серьезничать дальше не стала, и расспрашивать, впрочем, тоже. – Заходите в квартирку, сказала тоном хозяйки.

Мы последовали за ней. Санька, как истинный джентльмен пропустил меня вперед. Мы попили чайку и засобирались домой.

– Время позднее, я провожу вас. С мужчиной спокойнее бродить по ночам двум молодым и красивым, – предложил Санька свою услугу.

Мы вышли на улицу. Взяли Саньку с двух сторон под ручки и побрели в третий микрорайон из первого. Ева видела мою рассеянность, но не заиклила на ней своё внимание. Мы простились на углу моего дома и разошлись по подъездам. Санька постоял немного, глядя мне в спину, я обернулась, открыв дверь своего подъезда, и помахала ему, он послал мне воздушный поцелуй. Мои благодетели еще не спали. Из своей комнаты мне Надежда пожелала «Спокойной ночи, деточка»!

– Я вернулась с чувством выполненного долга, и вам спокойной ночи, – этой фразой я давала им понять, что у меня все хорошо.

На самом деле я прибывала в состоянии легкого шока, тщательно замаскированного под благополучие. Прошла в свою комнату и рухнула на не разобранный диван, уставившись в одну точку, где-то в центре потолка. Когда ожил сотовый в моей сумочке, я перевела взгляд на сумочку и долгие секунды соображала, что мне делать? Почувствовала момент, как чья-то властная рука меня подхватила за шиворот, видимо встряхнула, кинула к столу, и сунула носом в звенящий телефон, и только услышав Машин голос, я сообразила, как вовремя она позвонила.

– Лавка, что-то очень мне захотелось тебе позвонить, именно сейчас, не спишь? – спросила Маша задумчиво, мы давно с Машей перезванивались, и давно перестали начинать диалог с банального «алло», и скучного «привет».

– Маша, я там видела звездочку, – я проговорила траурным голосом.

– Понятно, не спишь, борьба с «тараканами» продолжается или расшевелись «тараканы», – проговорила Маша задумчиво.

– Что-то в этом вроде произошло сегодня поздним вечером, – отозвалась я, и вернулась на диван.

– Понятно, сейчас ночь! Ну, чудно девки пляшут, тогда я тебя добыю, точнее, нахлобучу окончательно. Готова принять на грудь удар или мою порцию экзотики? Садись, если стоишь, – предложила Маша.

– Я уже сижу, и ты поговоришь со мной не о звездах, – я подтянула к себе ноги, как будто опасаясь, что «тараканы» из моей головы перебрались на пол и начнут заползать обратно.

– А как же, поговорим о фотографиях, хочешь? Я их получила еще утром. Но позвонить захотела именно сейчас. У тебя есть такие же снимки как у меня? – спросила Маша.

– Есть, подожди, они у меня в шкафу в пакете, – я пошла в зал к шкафу. – Я тебе не рассказывала о странном поведении Надежды, когда она в первый раз взяла в руки фото Фаи то зарыдала, как на помине. Глупо, фото свадьбы так рассматривать, – комментировала я свои действия, прижав телефон плечом к уху.

– Не удивляюсь, – растягивая слова, отозвалась Маша. – Знаешь, Слава, я бы тоже рыдала.

– Не понимаю, Маша ну, не мучай меня тайнами, кажется, сегодня небеса сошли с ума или я сойду с ума от непонятностей... – проговорила я, тяжело вздыхая.

– Да, я сама не понимаю, как в такие, и вообще в какие минуты мной руководит интуиция. Я сама не понимаю, ладно бери в руки фотографии, – Маша указаниями вывела меня из задумчивого состояния.

Я кинулась к шкафу, с шумом захлопала дверкой, прижимая плотнее телефон к уху.

– По тише, активность умерь, своих стариков перебудит и перепугает, – среагировала Маша, слыша какой я, произвожу шум.

Я поняла, как громко шумлю, взяла пакет в руки, на цыпочках пошла к дивану и вытряхнула его в центр, сама аккуратно присела с краюшку.

– Я готова, какой снимок найти? – я сообщила Маши о том, что вернулась в реальность и без эмоций готова воспринимать все, что она мне сообщит.

– Где жених стоит возле волги, – командовала моя подруга.

Я по швыряла фотки, некоторые даже на пол полетели. Нужная фотография нашлась почти сразу.

– Смотрю, – я уставилась на снимок, с нетерпением ожидая узнать от Маши, то, что не заметила сама, но это «то, что» меня очень тревожило.

– Что видишь? – дразнила Маша.

– Ну, не дразни Маша, вижу волгу, жениха, горизонт...

– Стоп, смотри внимательно на жениха. Какой он? – Маша указала, куда делать акцент на фотографии.

– Какой? Красивый, счастли... – я не договорила, Маша меня оборвала.

– Все правильно, за его красотой никто не видит пороков. Смотри ему в глаза, – Маша еще раз указала на цель тревог.

– Цвет глаз необычный, у мужчины фиолетовые глаза, – цвет распустившейся фиалки, – удивленно пробормотала я.

– Милый ты мой романтик. Да в жизни таких глаз не бывает, у него цветные линзы и волосы крашеные, – деловито сообщила Маша.

– Неужели, – я ахнула. – Ну, с линзами понятно. А с чего ты взяла, что волос крашеный? – не веря своим глазам, я принялась расспрашивать Машу.

– Смотри, на кончике уха не стерта краска. Так бывает часто, когда женщина торопится изменить свою внешность, – деловито Маша делала акцент на мелочах, которые я не заметила.

– Изменить внешность? Зачем жениху ее менять? – я задавала вопросы не только Маши, но и себе.

– Откуда же я знаю, что в его красивой голове творится. В твоей головушке я знакома с каждым тараканом. Прядка волос, что прилипла к виску это его натуральный цвет волос. Волосы у него свои светло – русые. – Маша продолжала нахлобучивать меня фактами искусственной красоты.

– Что же получается, он почти что блондин, и подкрасился в брюнета, чтобы жениться на таджичке? Блондину бы не отдали в жёны таджичку, красавицу? Зачем мужчине перекрашиваться в брюнета? – у меня в голове вертелось гораздо больше вопросов, чем я задала.

– Да понимаю, как много у тебя сейчас вопросов и ни одного ответа, – отозвалась Маша. – Могу подлить масла в огонь. Зачем вообще блондину жениться на таджичке. Ну, как твоя звездочка?

– Все нормально, я закинула её на полочку сознания, с мыслями о других людях, собственная беда теряет четкие контуры, – ответила я Маши, подтверждая тем самым готовность мыслить адекватно.

– Отлично, слышу деловой тон журналиста, – похвалила меня подруга. – Я тебя услышала, понимаю, ты готова остаться одна. Целую, расстаемся до следующего звонка, – попрощалась со мной Маша.

– Жду, скучаю... – отозвалась я, отключая сотку.

Положив сотовый аккуратно в сумку, я принялась медленно раздеваться, гоняя в сознании полученную информацию, понятное дело о фальшивом женихе. Я не могла рассказать шефу, что жених фальшивый, только потому, что сама не была уверена в ее правдивости, хотя видела все на фото. Но мне хотелось верить в сказку без людоеда, хотя я понимала, что в жизни, возможно, всякое случается. Я придумывала все хорошее, оправдывая крашеного красавца, бывает и красавчики блондины, с любовью и нежностью хотят быть брюнетами, что бы дети родились брюнетами.

Мне снился тяжелый сон, я стояла в сумрачном коридоре. Места было очень мало. Кто-то пристально меня разглядывал, а я сгорала от любопытства узнать, кто на меня смотрит? Я не испытывала страха, я стояла на вращающемся диске и медленно плыла вокруг своей оси. Я осознавала, что вращаюсь именно я, а все в тесноте стоит на месте. Мысли мои бастовали, сознание кричало, что в реальности так не бывает. В жизни должно все двигаться – это смысл самой жизни. Я хотела знать, как живут доски пола? Как живут стены коридора? Что скрывается за черной дверью? Во сне я стремилась проникнуть за черную дверь, за черный занавес. Узнать чужую тайну, любопытство заползло в каждую клеточку моего существа...

Я проснулась от того, что Надежда легонько трясет меня за плечо.

– Ярочка, я позвала раза три, слышу, ты не отзываешься как обычно. Захожу, а ты спишь, так и на работу опоздать не долго. Что снилось... Если плохое, иди к окну и подуй сон в форточку, он улетучится, – советовала мне Надежда исполнить народную мудрость.

Но я хлопала ресницами, еще не понимая, хороший или плохой был сон.

– Жду тебя на кухне, – Надежда погладила меня по волосам, унося с собой остатки моего сна.

Я посмотрелась на часики, к форточке бежать не было смысла, кинулась, точнее, завертелась в утренних процедурах, спеша к завтраку. Торопилась на угол дома, где уже ждала Ева, мы пошли на работу. Ева была задумчивой, впрочем, она и не блистала разговорчивостью. Ее мысли я приписала, ее личным проблемам, так как сама находилась в пространстве между сном и явью, обдумывала факты с фотографий, которые перед сном Маша обрушила на меня. Ближе к обеду, Ева посмотрела на меня пристально. Я поймала её взгляд на себе и решила помочь своей новой подруги поделиться со мной своей жизнью за кадрами рабочей суеты.

– Ева хватит играть в молчанку, спроси, что хочешь? – я распахнула свою душу, готовую к чужим тайнам.

– Хорошо, пожалуй, стоит спросить. Яра вчера, когда ты искала ключи в коридорчике, а я стояла в проеме двери, мне показалось, что кто-то смотрит на меня пристальным взглядом. Я даже поежилась, неуютно как-то себя чувствовала. Но потом решила, что это Санька впервые меня увидел и разглядывает, но Санька был увлечён тобой, – Ева улыбнулась. – Там ведь больше не было никого, а когда мы выходили, я снова почувствовала этот взгляд, точнее поняла, что меня пристально разглядывают. Не знаешь, почему у меня было такое чувство? – Ева задумчиво склонила голову.

– Понятия не имею, мы ведь там были одни, наверное, – я засомневалась, потому что вспомнила о таинственном третьем жителе из трехкомнатной квартиры. – Ева я сегодня зайду днем на Ермакова и уточню у Саньки, может быть, появился жилец? – я находчиво сообразила, как успокоить впечатлительную Еву.

На этом мы разошлись, каждая в своих мыслях, уткнулись в собственные записи, делая вид, что работаем. На самом деле ни я, ни Ева не работали, а думали, что произошло вчера? Маня не покидало чувство тревоги, я гадала к чему, были эти знаки, что произойдет? После разговора с Машей, я знала, что должно случиться что-то ужасное, но с кем? Все факты указывали на то, что трагедия произойдет с Фасей. Потом я придумывала положительных героев в сказке, рисовала картинки счастья, в центре которых сияла улыбкой красивая невеста. После работы я забежала в квартирку, с часик беседовала с Санькой, но он с полной уверенностью утверждал, что жилец не появлялся.

– Ты, что я слышу, как мухи в подъезде летают, – говорил Санька эмоционально. – Неужели я бы не знал о его появлении. Нет и нет, он был последний раз месяцев пять назад.

Глава №7

Судьба бросает вызов

**Господи, не дай меня на
Произвол врагам моим,
Но ради имени Твоего
Святого сам води и
Управляй мною...*
(Из молитвы Оптинских Старцев)

Осень играла багряными красками, увлекая воображением в сказочный мир грез. В Стрежне вековая тайга, подступает к самому городку, наступая на пятки высоких строений. Осень хозяйка, окрасила березки и липки, о полях не забыла и травку сделала жухлой, поливала холодными дождями природу. Небо темно – серыми тучами опустилось к самым вершинам кедрочей. Редкое солнце стремилось разогнать серость, и сырость, и когда это ему удавалось, искрящему свету радовалась вся округа. Выбрав один из погожих деньков, я решила, посетить свою любимую лавочку в глубине парка. Просидев часа два на лавочке, мой нюх уловил запах одеколона «Интерект», смешанного с запахом леса. Я огляделась по сторонам, решила, что вытащила этот запах, из своего сознания вспомнив Олега. Где-то в глубине сознания, у меня хранилось чувство любви, плотно завернутое в бархатный мешочек. Я не позволила себе его разворачивать. Я запрещала себе, даже притрагиваться к бархату, объявив его святыней. Повернув голову вглубь леса, куда убегала уже не аллея, а дорога по парку, я разглядела силуэт мужчины в черном плаще. Он шел медленно от меня вдаль. Я зажмурила глаза, обвиняя себя в наваждении мыслей и галлюцинаций. Преодолев миг слабости, я стала снова всматриваться вдаль, но увидеть силуэт не смогла, его там не было. Меня охватило смутное беспокойство, это был голос интуиции, но его-то я не слушала. Интуицией жила моя подруга Маша, а я, обругав мысленно свое разыгравшееся воображение, быстрым шагом пошла на выход из парка.

В утренние часы шеф вызвал меня в рабочий кабинет в редакции, его вызов меня очень удивил. Ведь последние месяцы все ЦУ он давал мне дома на кухне, что меня очень радовало. В его кабинете восседала тетя Галя, скромно сложив руки на пухлые колени.

– Вот прошу Илью Николаевича, командировать тебя со мной на Украину. Отпуск мне положен, а тебе птичка погреться бы на солнышке. Бабье лето на большой земле в разгаре, а здесь, вон, каждый день дожди, – тетя Галя вроде меня уговаривала.

Я посмотрела на шефа вопросительно, он пожал плечами, как-то неопределенно, не верилось мне в сказанные слова. Не понимаю, почему я не верю всему, что говорит тетя Галя, какие-то смутные чувства меня захлестнули, как-то сильно не хотелось ехать на Украину, хотя там я никогда не была. Я не понимала, почему нет восторга, ведь мне представляется редкая возможность посмотреть другое государство. Нет, я не сомневалась в добродетели, с которой относилась ко мне тетя Галя, она искренний и порядочный человек. Дело в чем-то другом, что происходит в глубине моего сознания, по-другому люди называют это состояние, наверное, «шелест утренней звезды», про который рассказывает Вадим Зеланд в «Трансерфинге реальности». Я уставилась на шефа.

– От чего не съездить, воля твоя решай, – как-то совсем не настаивая проговорил шеф, наверное, сейчас со мной говорил отец, – подумала я.

– Но Надежда хотела, чтобы мы... – как-то не смело, прислушиваясь к интуиции, заговорила я.

– Обойдется, Надежда не маленькая, – почему-то оборвал меня шеф. – Я Ларисе уже дал распоряжение оформить тебе командировку на Украину. – закончил главный, тоном, не терпящим возражения.

– Ну, раз решение есть, что мне еще решать? – Я немного расстроилась, желание шефа сплавить, меня с глаз долой, было явное.

О причинах я не стала гадать, вылет как обычно завтра, любил хозяин не тянуть резину. Забежала домой в 313 дом, меня встретила Надежда с красными глазами от слез. Я решила, что она знает о моей командировке и переживает.

– Надежда, я не могу спорить с шефом, он не дал мне право выбирать, – я утешала и оправдывалась.

– Ну, что ты Ярочка, собирайся в командировку все образумится, – хрипловатым голосом утешала меня Надежда.

У меня мелькнула мысль в голове, что Надежда ответила не в тему и моя командировка вовсе не причем. Но я заставила себя не думать о плохо, погасила на корню искру мнительности. Заставила себя думать, что я им нужна, и они беспокоятся обо мне, в чем позже мне предстояло убедиться.

С тетей Галей мы встретились в 9:00 в аэропорту. Нам предстояла дорога в два дня пути с пересадками. Сначала АН-24 приземлился в Томске. Мы побродили в аэропорту, вникая в расписание и выбирая маршрут. Решили, что нам лучше всего ехать через Москву в Донецк на поезде. Взяли билеты до Москвы, и я помчалась к почте давать Маше телеграмму с номером рейса, я ликовала, предвкушая встречу с подругой. Я радовалась тому, что смогу ее обнять. Думая о встрече с Машей, я перестала анализировать факты последних событий. Я перестала анализировать странности в поведении людей, которые меня окружали, а чуть позже у меня тряслись руки от волнения, но я смогла на сотовом телефоне наткнуть ее номер и буквально закричала в телефон, с нетерпением дождавшись, когда она ответила.

– Маша я завтра прилетаю в Москву.

– Тебя что уволили? Неподдельно изумилась подруга, – даже не сделав мне замечание, не кричать в телефон.

– Ой, прости, нет, я проездом на Украину, – я говорила, подпрыгивая на одной ноге.

– Ну, Лавка ты мастер сюрпризов. Жду, встречу, целую, – восторженно отозвалась Маша.

– Алявидерчи, скучаю, люблю. Ой, чуть не забыла, телеграмму я дала с номером рейса, аэропорт Домодедово.

Я не заметила, как мы приземлились в Москве. Тетя Галя умилилась моему настроению. Я парила на крыльях воспоминаний о Маше и любви к ней, понимая, какая разная и богатая «любовь» своей гаммой красок бывает в жизни. Я знала точно одно, любовь – это чувство даровано миру Создателем, как дар небес. Ведь сам

Творец создал мир с чувством любви к свету.

У самых ворот стояла Маша, красивая и неповторимая. В черных брючках, бордовой ветровке нараспашку и высоко поднятым хвостом черных волос. Улыбалась и, сияла огромными глазами, в которых отразился весь мир, покрытый розами любви. Я с размаху кинулась к ней на шею, даже сдвинув ее немного назад. Рядом с ней меркла вся округа, я видела только ее сияющие глаза.

– По – спокойнее северянка, а то вместе будем валяться на асфальте, нас люди не поймут, – рассмеялась Маша, принимая меня в объятия.

– Маша, какая ты умная, красивая, – говорила я, чмокая Машу в щеки и глаза.

– Ты у меня тоже ангелочек, – она оторвала меня от себя на вытянутые руки и чмокнула в макушку.

– Ну, что едим на Киевский там, в ресторане ждем ваш поезд, – деловито скомандовала Маша.

– Ой, Маша я ведь с тетей Галей, – я вдруг вспомнила, что не одна.

Мы оба уставились на хохлушку, которой пришлось подобрать брошенную мной сумку, дотащить две сумки к воротам и смотреть на нас, утирая пот с лица, любоваться нашей бурной встречей.

– Теть Галя простите, – извинилась я. – Знакомьтесь, это моя Маша, – с гордостью произнесла я.

– Ох, какие вы красивые деточки, – хохлушка проговорила, принимая поцелуй в щеки, которым наградили мы её.

Мы, не сговариваясь, чмокнули толстушку, в щеки, и она приняла Машу как родную. Весело проболтав в ресторане до самого поезда. Мы расстались с Машей на перроне, она помахала мне на прощание, сказала: «будешь ехать, назад звони». Я ликovala что, пробыв две, три недели в Донецке снова смогу обнять свою подругу. Поезд медленно тронулся с места, мы заняли свои места в купе. Застучали ритмично колеса, впереди нас ждала Украина.

Красота спасает мир и губит судьбы.

Прошло три дня после тоя в Кизляре. Жених один приехал к родителям Шарафат, как добропорядочный сын с извинениями, по поводу того, что он нарушил традиции и не появился утром на продолжении торжества. По правилам традиции, он должен был оставить невесту, там, где живет на попечение своей родни и вернуться на той, что бы молодая невеста могла освоиться в новой жизни, привыкнуть к окружающей её обстановке.

– Отец, мы приедем к вам в гости, как только Шарафат забеременеет, – склоняя голову в почтении, говорил новоиспеченный зятек.

– Береги девочку сынок, – советовал растроганный отец уважением.

– Я, что вам маленький калым заплатил? – почему-то раздражаясь, произнес зятек.

– Нет, все хорошо, я так по-отцовски волнуюсь, – забормотал отец, понимая, что в каждом доме другой мужчина хозяин.

– Не волнуйтесь, нельзя же вековыми традициям плевать в лицо, – зачем-то укоризненно проговорил зять.

– Да сынок наши традиции такие, с ними не поспорить, – успокаивая себя хорошими мыслями о счастливом будущем дочери, отец отдал дань должного традициям.

На этой ноте расстался жених с отцом своей будущей жертвы. Его сознание ликovalo, предвкушая азартную игру с жертвой. Он был одержим своей идеей, сценарий, которой писал сам. Не сейчас, не сегодня, начало было положено в далеком детстве, в его искалеченном детстве...

– Все милочка твой рай закончился, впрочем, и жизнь тоже, – проговорил шипящим голосом жених, его красивое лицо исказила гримасы злобы.

Он говорил стоя возле дверей и брякая ключами. Он распахнул двери, в комнату брызнул свет с лестничной площадки. Шарафат вздрогнула, сжалась в комочек. Семь дней, которые она прожила в особняке раем назвать сложно. Она ехала в черной волге и мечтала, что будет вечно счастлива, так как у него нет родни, что она самая счастливая невеста, что ей повезло, она дома одна без свекрови и толпы гостей, что ей ублажать только мужа, но иллюзия развеялась в первый день прибытия в большой особняк мужа. Задать вопрос, почему у них нет брачной ночи, не успела, наверное, он дает мне привыкнуть к нему, к новой жизни, он такой красивый, так думала Шарафат, когда они спускались на нижний этаж особняка, но это были фантазии юного воображения, и они рухнули со звоном металлической двери. Жених пропустил невесту вперёд, грубо подталкивая в полумрак, и захлопнул двери, щелкнул замком. В мрачной комнате подвала Шарафат потеряла счет дням, томилась в неизвестности, ожидая своей участи. Кошмар продолжился сегодня утром. Жених вернулся из родительского дома.

– Иди, приведи в порядок свадебный наряд, – приказ звучал холодным тоном.

Шарафат метнулась в спальню, спешила, не хотела гнева мужа. Из рассказов и традиций все знала, ей нужно подчиняться всем капризам мужа. На ходу стала стягивать с себя одежду, потом поняла, что жених следует по пятам и смотрит взглядом хищника на девственность. Вспоминать о невинности и краснеть нельзя, надо его ублажать. Осталось снять одни штанишки, девичья грудь шестнадцатилетней девочки не нуждалась в нижнем белье, привлекла взгляд зверя. Шарафат заливаясь краской невинности, розой, пылающей на смуглом личике, горели щёчки, оголилась, свадебный наряд привела в порядок и стала медленно его одевать, потому что волнения взяло вверх над желанием угодить. Жених стоял в дверях, наслаждаясь картиной выполнения указания. Приказал, когда невеста закончила возню с платьем...

– Косы расплести, – раздался даже не голос, а скорее всего рык, но слова были понятны.

Образ зверя, невозможно было разместить на красивом лице жениха, но хищник уместился внутри тела, внутри всей личности, выдавая себя жестами и голосом. Руки дрожали, косы с трудом поддались задеревеневшим пальцем. Страх заполз внутрь девичьего сознания, непонимание светилось в глазах, немой вопрос – что происходит? – застыл на припухших девичьих губах.

– Подавай мне обед в зал, – развернулся и ушел.

Жених сидел на стуле с высокой спинкой, доедал вкусный обед. Возле его ног сидела, сжавшись комочком Шарафат, в том же свадебном платье, которым гордилась, когда одевала его, семь дней назад. Семь дней она не мылась, не переодевалась, привела в порядок наряд и последовала за женихом, она страдала в полутемной комнате подвала. Жених тыкал пальцем, во что ни будь на столе, невеста должна была ему подать и посмотреть в глаза, такие правила игры установил, если она отводила взгляд, он вытягивал руку, резким движением ударяя ее по лицу или груди.

– В глаза смотри! – следовал окрик, после удара.

Она незамедлительно должна была поднимать голову и смотреть ему в глаза. Если замешкается, жених ее бьет, пока только руками. Когда он доедал обед, она сидела комочком у его ног с задранной головкой, стараясь угодить, заглядывала в глаза ему, как собачонка, к тому же голодная. Он кидал маленькие кусачки еды, если она не могла поймать их ртом и хватала руками, он выбивал еду из рук. Легкая дрожь била все её тело, ведь разум совсем молодой, в шестнадцать лет не принимает кошмара как реальность. Ее огромные глаза на крыльях черных ресниц собирали капельки слезинок. Шторы плотно были занавешены, в комнате стоял полумрак. Закончив с обедом, жених ногой в лакированных ботинках отодвинул невесту.

– Лежать, – команда для собак, но предназначено невесте.

Жених распахнул шкаф, вытащил коробку набитую разно колерными свечами. Расставил их везде, где только ему в голову взбрело. Решил, что пришло время для любовных утех. Подобным образом проявивший себя человек, соответственно и все стальное будет делать совсем не по-человечески. Сейчас страдает девственница, ведь это ее первый опыт в сексе. Принимая, что мир может быть таким извращенным, а люди могут быть животными. Он сидел на краю дивана, раздвинув ноги.

– Ползи сюда, я дам тебе леденец, – хищно прищурившись, сказал жених.

Шарафат и не думала отказываться, она поползла, выпрямляясь из согнутого комочка, после пинка. Подползла, не зная, что делать дальше. Он протянул руку, схватил ее за загривок, больно стягивая волосы в пучок. Он тоном доброго учителя объяснил, что надо делать дальше, помня о том, что она девственница, уточнял тонкости процесса.

– Это мой член, твой леденец, ха-ха, – он громко и весело смеялся, красивым смехом, красивого мужчины, – Что впервые видишь? Посмотри поближе. Можешь трогать, нежно пальчиками гладить. Это яички их надо любить. Поцелуй их, моя девственница, полежи язычком, так как собачка лакает воду, только не спеши медленнее, медленнее. Умничка, старайся.

Он застонал, наслаждаясь ощущениями, что не говори, а плоть хитра, ей нужно прикосновение, даже если извращение ума стремится к экзотике в действиях. Он закончил насиловать ее в рот, залив всю гортань белой жидкостью, постоянно выкрикивал.

– В глаза смотри, – резкий окрик, резал слух.

Он спрятал леденец в штаны, вытерев его ее волосами. Она обессиленная повалилась на пол, надеясь, что все закончилось, что это самое страшное и противное, что происходит в любви, семье, сексе, но это были цветочки, так плоды посыпались тяжелыми ударами на ее хрупкое тельце. Невеста не понимала зачем, за что ее бьет муж. Жених купил ее для того чтобы завести свою машину дури. Он бил невесту, ему важно было, что бы она была в свадебном платье и смотрела в глаза. Невеста страдала, стонала, плакала, но не кричала до одури и ничего не просила, не просила, пощадить её или не бить, с детства зная, что он муж и господин дарован традиций, обычаем, судьбой, в конце концов, или злым роком. Знать, ее судьба такая и она подчинялась судьбе, воле, внушенной с детства. Жениху неважно было ее имя, ему нужна была невеста в свадебном платье, униженная, в глазах со страданием и болью. Он не желал слышать ее слова, он запретил ей их произносить, и если звучало слово, то он бил по губам, по лицу. Губы уже были разбиты в кровь.

– Ты еще не испытывала вкус первого поцелуя. Иди сюда, тебе понравиться, – жених подхватил невесту за загривок черных длинных волос, отрывая от пола, на котором позволил себе пинать ее лакированными ботинками. Уселся на диван, устроил невесту на коленях.

– Смотри в глаза, будем целоваться. Говорят, когда целуются с открытыми глазами, то видят в них Ангела – Любви. Если тебя это утешит, моя невеста, то могу тебе сказать, ты у меня седьмая. Шесть уже порхают в мире ином. Совсем скоро ты отправишься к ним, когда догорят свечи, ты выпустишь последний вздох воздуха. В глаза смотри, – закричал жених, невеста начала моргать, он закричал – в глаза смотри. Мне важно видеть твой взгляд. Я буду жить воспоминанием о твоём взгляде, о твоём взгляде Ангела, полного страданий, выполнив обряд мести, я буду жить воспоминаниями. У меня невест будет десять, остались еще три. Я так хочу, – он засмеялся.

Она ему простила грубость, глядя в красивое лицо. Избитое тело боли не чувствовало, униженное сознание не понимало слов, боль в теле и шум в голове мешали осознать близость смерти. Она поняла одно, догорят свечи и все кончиться, мучения закончатся. Жених целовал ее припухшие губы. В нем вспыхнули искры похоти, превратившись в похотливое животное, стал раздирать свадебный наряд, не щадя нежное тело, на котором оставались царапины. Он издавал рычание, перемешанное с мычанием, подчеркивая животное начало в каждом существе. Он насиловал шестнадцатилетнюю невесту, истекающую слезами девственности и кровью невинности. В один из моментов оргазма, когда он, поставив ее на колени, орудовал сзади, его руки ухватили ее за глаза и пальцы в миг его оргазма провалились в глазницы. Душераздирающий крик невесты, был коротким, потому что, оторвав пальцы от пустых глазниц, он перехватился за тоненькую шейку, с хрустом сломав шейные позвонки, отпустил обмякшее тело, которое с его «леденца» скользнуло на диван, а он его побрызгал остатками спермы с конца упавшего достоинства.

Довольно потянулся, как человек сдвинувший гору с места, осознавая окончен бал, погасли свечи, но у жениха было все наоборот, погасшие свечи знак окончания бала, точнее, знак исполнившегося возмездия. Смерть невесты, не что иное, как символ мести, так спланировал для себя жених и привел в исполнение свой жуткий план. Но смерть невесты еще не конец действий.

Жених приступил к последнему акту в этой трагедии. Он медленно разделся до наготы. Отправился в ванну смывать следы крови, тщательно шоркая ногти мочалкой, избавляясь от кожи невесты, что застряла, когда он рвал ее платье и тело. Мизансцена трагедии была в зале, жениху больше туда не нужно. Он прошел в спальню вытащил свои вещи, в которых

приехал в первый раз с чемоданчиком в руке и разговаривал с таксистом, который довез его к той тихонькой бабушке. Перед женихом лежал чемоданчик с двойным дном, он вытащил паспорт, положил его во внутренний карман черного плаща. Это все, что он возьмет с собой, даже чемодан, свидетельство преступления ему не нужен, он замечает следы. Два дня назад он возвращался от отца невесты, заехал на вокзал, приглядел себе жертву, выбирал парня примерно его роста и телосложение. Подошел, предложил заработать, показал красивую визитку, посадил в машину, привез в гараж, оглушил резким ударом. Затащил в смежную комнату со спальней и добил парня сильным ударом в область сердца. На случай страховки одел на голову целлофановый пакет. Труп будет играть роль жениха, потом. Приготовившись на выход, жених зашел в смежную комнату, сдернул пакет с головы, тело уже покрылось трупными пятнами. Но жениха это не волновало, он взял две канистры с бензином и принялся обливать им смежную комнату, где лежал труп и зал, где лежала невеста. Решив, что бензина достаточно, он кинул спичку в зал и быстро захлопнул двери. Быстрым шагом прошел к дверям смежной комнаты и повторил прием со спичкой, из дома выскочил бегом, в ночной прохладе добежал до гаража. Машина была взята на прокат в Душанбе на его паспорт, который сейчас лежал во внутреннем кармане плаща, поэтому он смело двинулся вперед, уносясь из кишлака, точнее с его окраины, где вдали расположился коттедж, который сгорит дотла. В любом случае потушить его не успеют, жених замел за собой следы, не то что веником, а взмахом идейной головы. Даже имитировал свою смерть.

Необъятные просторы.

На вокзале города Донецка нас встретили родственники тети Гали. Все пухлые, полные, воздушные, все говорящие на украинском языке улыбчивые люди, с широко распахнутой душой. Внимательно прислушиваясь к говору, я начала понимать их речь уже сидя за праздничным столом. Мы остановились не в самом Донецке, а в пятнадцати километрах от него, в нарядной уютной деревне, точнее хуторе. У всех домов было в пользование много земли, то есть были большие огороды. Почти у каждого дома на затворках стояли огромные скирды сена. Хутор жил на своем молоке и мясе. Трудолюбие – это характерная черта украинского народа. Они живут девизом: – «кто работает, тот вкусно кушает».

Гостеприимное радушие украинского народа располагало к нынешнему застолью, которое затянулось до утра. С таким размахом нас встречали, что даже тетя Галя восхищалась, не ожидала. Мне очень понравились их яркие красные юбки с оборочкой, белые фартуки – передники, перехватившие толстые животики и блузки из шелка с пышными рукавами. Красивая вышивка украшала все наряды. Меня познакомили с Ульянкой, племянницей тети Гали, она была почти моей ровесницей, поэтому мы подружились, к тому же любознательной и общительной, девушке легко найти общий язык с любым букой. Но я букой не была, сама изъявила желание дружить с Ульяной. В самый разгар веселья Ульяна мне предложила переодеться в национальный костюм, заявив, что в ее гардеробе вещей наберется для двоих. Мы с весельем молодости бросились в хату переодеваться. И уже через полчаса стояли на крыльце две украинские красавицы с венками из искусственных цветочков и длинными атласными лентами, свисающими от венков с головы по всей спине рассыпавшими цветную гамму. Тетя Галя захлопала в ладоши, видя то, как меня радушно приняли. Ведь по-другому и не могло быть, они все любили, северную тетю за ее регулярные посылки с кедровым орехом, и за душу добрейшего человека, ведь не одного земляка она устроила на Севере подзаработать.

Мы уже неделю как гуляли на Украинской земле. Я много кушала молочных продуктов, особенно мне понравилось национальное блюдо «вареники Украинские», я макала их то в масло сливочное топленое, то в сметану и кушала, с огромным удовольствием не стеснялась, что сметана, течет по подбородку. Даже тетя Галя заметила, что мои щеки округлились. Я вздыхала по поводу увеличения моей талии и сетовала, как же я такая толстая найду жениха, тетя Галя смеялась.

– Вот найдется жених, он полюбит тебя, за любые необъятные размеры, в тебе же душа Ангела живет, – она ласково гладила меня по кудрявой голове.

– А, где жених? – задавала я наболевший вопрос, и дула губки.

– Ну, леший его знает, видимо еще не судьба вашей встречи, – успокаивала меня тетушка. Так что ешь себе в удовольствие, не оговаривай аппетит, – пожурела меня тетя Галя.

Я улыбалась и кушала, уж очень мне нравились вареники, и запивала молочком. Я поняла, почему все украинки «кровь с молоком», как говорят в народе. Они не могут быть другими, ведь их жизнь спокойна и сытна, в помощь им трудолюбие.

Небольшая роща разместилась в сотне метров от хутора. Деревья были золотом одеты, листва еще не успела упасть шикарным ковром на землю. Права была тетя Галя еще в Стрежне, говоря о том, что на Украине бабье лето в разгаре. Я радовалась паутинкам, что летали по лесочку, и слушала щебетание птиц. Мне очень нравилась природа, по своей сути, я была романтик. Ульяна позвала меня в гости к тетке, сестра матери с четырьмя детьми жила в соседнем хуторе.

– Мою тётю зовут Лина, она похоронила мужа давно, когда Елене было девять лет, а полтора месяца назад Еленка вышла замуж, только жить уехала на окраину Донецка в большой коттедж. Это хорошо, муж богатый и очень красивый, я его видела, только в гости к Елене ехать далеко, но тетя Лина вчера собиралась съездить, наверное, уже вернулась, расскажет, как там Еленка, – рассказывала Ульяна, когда мы, опираясь на велосипеды, шли через поле к лесочку. – Тропинка приведет на хутор.

– А фотографии есть свадебные, покажешь? – спросила я, мне как профессиональному фотографу всегда интересно посмотреть на чужие работы.

– Да конечно посмотрим, тетя Лина целый альбом собрала. Нас дядя Леша фотографировал. Да еще с ателье приглашали фотографа, – отозвалась Ульяна.

В соседнем хуторе, в который мы добирались на велосипедах, было домов пятнадцать. Люди жили дружно, выращивали скотину и засаживали огромные огороды картошкой и разными овощами. Мы побросали велосипеды и кинулись к ставку. Ставом на Украине называли ключ, с которого била вода на поверхность земли из подземелья. Местные обустраивали свои ставки, вырывали яму глубже, выкладывали подступ гладкими булыжниками. Вода стояла в ставках чистая, свежая, хрустальная, сверкала, искрилась, как горный идеал.

– Какая вкусная водица, – я присела на одно колено, загребая горстями воду, подносила к губам. – Попей Ульянка, – предложила я, и брызнула с пальцев на Ульянку остатки водички.

– Водица здесь действительно изумительная, ведь Украина – это Карпаты, – отозвалась Ульянка и повторила мой маневр с питьем воды и брызнула в меня не остатками воды с пальцев, а зачерпнула всей пригоршней и окатила меня, хрустальной водой.

Я не рассердилась ее поведению, мне понравилось её игривое настроение. Мы засиделись возле ставка на аккуратной лавочке, вырубленной из большого бревна. В таких ставках, чуть ниже по течению еще и белье приходили полоскать хуторяне, и воду для скота набирали в емкости, стоявшие во дворах, черпая воду ниже по течению из ставка. Вода пробила себе русло, как ей вздумается, и напоминала полноводный ручей.

– Здравствуйте душеньки! – с нами здоровалась молодуха с коромыслом.

– Здравствуйте Ирина, – голос Ульянкин звучал уважительно.

Я заметила Ирина старше Ульяны лет на 8—10, и кивнула, отвечая на пожелание здоровья.

– Ульяна, ты увиделась уже с теткой? – задумчиво продолжила беседу Иришка.

– Нет, мы недавно прибыли и вот задержались у ставка, – отозвалась Ульяна.

– Ох, не хотелось мне быть первым вестником горя, – посетовала Ирина.

– Что-то случилось с тетей Линой? – Ульяна заторопилась.

Ульяна вскочила с лавки, сделала шаг на встречу Иринки, и мне показалось, что она споткнулась на ровном месте, присела ойкнув. Я вскочила, ухватила ее за локоть.

– Так не тяните, говорите же, раз весть принесли, – почему-то я разозлилась.

– Так я ведь и говорю. К дочке она вчера поехала к Еленки. Вернулась вся не в себе, расстроенная. Умерла Еленка, – бормотала Иринка.

– Делать надо что-то, – Ульяна расстроенно округлила глаза.

– Давай сначала доберемся в дом твоей тетки, – предложила я, и тянула Ульянку за локоть, она поднялась. – С тобой все в порядке?

– Да вроде, пошли, – как-то неловко отозвалась Ульяна.

Мы пошли в хутор, а в спину нам смотрела Ирина. В сарае привалившись спиной к стене, сидела тетя Лина, горе она уже видимо выплакала, но говорить с нами вразумительно не могла. Уж очень она любила свою старшую дочь Еленку, уж очень радовалась, что ей встретился такой красивый жених.

Под венец со смертью.

Еленка в тот день поздно возвращалась с сенокоса. Присела под березку, воздух чистый, конец августа, мечтается легко и не принужденно, а лет ей исполнилось шестнадцать этим летом. Как вдруг рядом подсел мужчина, красивый как вся природа Украины. В его рыжеватых кудрях играло солнце, собранное со всех лугов. В его глазах сверкали все ставки и чистотой, и светом.

– Привет! – и голос бархатный, заморозил девичье сердце.

До поздней ночи проболтали. Еленка появилась на пороге хаты, и мать хотела ругать загулявшую дочь, но взглянула в лицо, увидела блеск любви в глазах.

– Ох, влюбилась душенька, – хлопнула по толстым бедрам и присела. – Кто он? – спросила озадаченная мать.

– «Бог» из города, хочет с тобой знакомиться, – мечтательно сообщила влюбленная.

– Так сразу? – удивилась мать.

– Мама, а что разве не бывает любви с первого взгляда? Я смотри какая красавица, – Еленка завертелась по комнате.

– В кино доченька, – отозвалась мать, а сердце екнуло, ей подумалось, что дочь она видит в последний раз, интуиция матери проснулась и закричала во всю мочь, предупреждая не отдавать дочь – любимочку, чужаку.

– А со мной случилось кино, – Еленка рассмеялась.

Наступило завтра, пришел жених в дом матери и ахнули все. Затмил он своей красотой и мать, и двух младших сестреночек тринадцати и четырнадцати лет, и бдительность усыпил.

– Хорошо, бери Еленку в жены. Засылай сватов, – безвольно мямילה мамаша, с усыпленной бдительностью.

– А, нет у меня ни сватов, ни родни, только друг. Большой дом под Донецком, да вот машина. Устроился я сам в жизни. Есть хорошая работа, за границу езжу, так вот скромненько живу. Нужны мне наследники, – пел правдоподобно жених, лучше соловья.

Красота делает правдоподобной любую ложь, что и было в случае с женихом. Он, не напрягаясь, своей красотой располагал к себе любую публику, заставлял верить всему, что он говорил.

– Поехали ко мне в хоромы. Поглядите все, и обговорим на счет свадьбы, – пригласил новоявленный жених.

Все поехали и сестренки собирались очень быстро. Ох, и радость сияла в глазах у всех, а Еленка от гордости пылала алыми щеками. Жених на нее смотрел прямо, чисто, откровенно, одними губами посылал по целуйчики. Тетя Лина посмотрела хоромы, ходили в Донецке в ресторан. Душа ликовала, какой богатый, красивый, душевный дарован Еленке судьбой жених. Свадьбу гуляли всем хутором и всей родней Еленки из ближайших селений. Никто

не обратил внимания, что жених на свадьбе без родни, что в мире есть одинокие странники, никого не волновало. Может ли врать такой красавец, да конечно нет? Отгуляв три дня. Молодых проводили до машины.

– Мама, Эдик просил, сообщить тебе по-женски, кое-что, – склоняясь к уху матери, сказала Еленка.

– Что-то серьезное? – счастливо улыбаясь, отозвалась мать, гордая за дочь, что ей достался такой красивый жених.

– Ну, конечно серьезно, не беспокой нас мама ровно месяц, он у нас медовый, – в голосе Еленке звучала романтичность.

– Медовый месяц, – мать округлила глаза, потом вспомнила, что так бывает. – Ах да, конечно же, а ладно, сами потом приедете. Машина-то вон у вас имеется, – не уловив не чего странного в просьбе и напомним о машине, тетя Лина загрустила.

– Эдик, мы сами приедем через месяц, ладно? – и уже обратилась к матери. – Мам, не грусти приедем, вон Эдик кивает и рукой нам машет.

Ну, все, сцена расставания прошла, мать и сестрички поверили в искренность жениха. Облобызали Еленку, хлопнули дверку в машине. И унесли ее крылья судьбы, точнее, колеса машины, увезли на плаху, точнее на смерть от рук жениха. Но кто об этом узнает? Через месяц молодые в хутор не приехали. Выждав две недели, тетя Лина сама двинулась в хоромы, когда приехала к большому дому, полагая увидеть дочь с зятем, встретила там солидную семью, и ничего не понимая, где дочь с зятем, собрав все силы воли в кулак, принялась за расспросы. Тогда выяснила правду, поняла, что жених аферист. Оказалось, что хоромы были сданы риэлтерской фирмой, на один месяц, за хорошую плату в пользование Казанову Эдику Викторовичу, родом из Латвии. Срок аренды закончился десятого сентября, то есть тогда, когда Эдик привозил их в хоромы, оставалось совсем мало времени, поэтому он спешил со свадьбой. Лина хотела сначала, чтобы свадьба была в конце сентября, но молодые уговорили, уступила. И зря как выяснилось, настояла бы на своем, дочку бы спасла от смерти. Пошла в милицию, рассказала о случившемся. Подала в розыск Еленку, молодой сыскарь, посочувствовал горю матери, предложил обзвонить морги.

– А, что может и быть такое, уже все готовенько, – что имел, ввиду сыскарь, не важно, но тетя Лина кивнула, и они принялись обзванивать.

В одном из моргов им сказали, что дня три назад пастухи в горах нашли два тела и просят приехать на опознание. Вот все и тайный смысл «готовенько» раскрыт, подумала тетя Лина, приехала в морг, с этим же сыскарем, опознала два трупа, и доченьку, любимую узнала и зятя вроде как опознала. Опознала сегодня утром, договорилась обо всем точнее, что заберет два трупа и похоронит дочку с зятем в одной оградке рядышком и памятник один поставит на двоих и фото прилепит свадебное.

Человеку помогает то, во что он верит

– Галенко, успокойся, все мы поняли. Хватит рыдать, сарай затопишь слезами, – я говорю ласково, пытаюсь этими словами успокоить Галинку, сестренку Еленки рассказавшую нам все слово в слово, что рассказала ей мать о том, как нашлась Еленка, – тетя Лина горем делу не поможешь. Давай готовиться к похоронам. Я все сфотографирую, когда привезут тела? – подсаживаюсь к тете Лине, говорю спокойно, но меня начинает задевать за живое чужое горе.

– Завтра в 8:00 утра привезут, на автобусе от морга, милиция выделила, – тупо глядя в пространство, говорит тетя Лина.

– Понятно, – отозвалась я, – Ульянка, что кол проглотила? Беги за тетей Галей, скажи труповоз приедет утром, пусть дует сюда, надо заказать венки и полотенца. Свечки пусть не забудут.

– А гробы? – Ульянка вышла из стопора, начала соображать.

– Ни надо, они обмыты, одеты и в гробах. Гробы заколочены, тела изуродованы. Смертушка их была жуткой, – бесцветный голос тети Лины звучал приглушенно.

Мы с Ульяной переглянулись, я толкнула ее в бок, что, мол, стоишь? Она меня правильно поняла, развернулась и кинулась бегом выполнять поручение, прочь из сарая. Я едва успела ей крикнуть в спину.

– Фотоаппарат накажи тети Гали, чтобы обязательно взяла в моей зеленой сумке.

Ульяна обернулась за три часа. В хуторок прибыли все, точнее много родни из хутора, где жила Ульяна. Все засуетились, суетой траурной, степенной. Люди вообще очень интересные существа, могут создавать любое настроение. К вечеру уже привезли штук пятнадцать венков. Освободили горницу, выстроили табуретки под гробы. Народ ушел на кладбище ямы копать. Ну, все ладилось, я даже не заметила под чьим руководством. Меня терзало, что-то смутное, предчувствие какое-то комком стояло в горле. Я проявила какое-то не мыслимое любопытство. Вспомнила о свадебном альбоме, в суете, разглядывать фотки некогда было, я зачем-то вытащила штук пять фотографий и спрятала в карман, понимая, что так нельзя поступать. Но пережить себя и вернуть фотки на место, я не смогла, не смогла объяснить себе, зачем они мне.

На следующий день все с печалью в душе и скорбью на лицах, с самого утра толклись возле ограды, ожидая катафалка. Он прибыл с задержкой на полчаса. Два гроба установили в одной горнице. Процесс прощания с закрытыми гробами сопровождался слезами близкой родни, и дальней, впрочем, тоже. Народ перешептывался, задавались вопросы типа:

– А, что жениха родня не хоронит?

– А почему гробы заколочены, что уж так сильно покалечены? Что не взглянуть, не проститься?

– А что за трагедия случилось?

– А, где их обнаружили?

– Что молодые делали в горах?

– Зачем их в горы понесло?

И все вопросы были в таком духе, ко всему приплетали милицию и власти, куда они смотрят, если твориться беспредел. Меня саму одолевало любопытство, но ответы на многие вопросы могла дать только тетя Лина, а она была вся в похоронах. Разрывала душу всей округи своим рыданием и причитанием. Кто мог так поступить с ее детками, уже зятя красавчика не отделяла от дочери. Горе великое никогда не может оценить масштабов трагедии. Поэтому в душе моей творилось что-то не понятное, шаткое, расплывчатое. Я всегда отличалась логическим складом ума, а в этом случае «свадьбы и похорон» не могла уловить последовательности, что-то мешало, наверное, отсутствие информации. Самое смешное в том, что я себя не понимала, зачем мне это нужно, зачем я вникаю в тонкости чужого горя?

Фотографировала похороны везде: и в хате, и во дворе, и возле двора, и по дороге на кладбище, и на кладбище, мой профессионализм взял вверх, и я не стеснялась в выборе позиции для будущих кадров. На кладбище я снимала все со всех мыслимых и не мыслимых позиций. Вот и всё, все бросили по последней горсти земли в яму и заработали лопатами копальщики. Отошла толпа в сторонку, ожидая конца работы и скрипа лопат о породу, что попадалась в земле, рвал звук горя на мелкие клочья душу. Я сама прониклась чужими клочками горя и не понимала почему «клочки горя» так липнут к моему сознанию, я ведь переживала душой.

Страхивая с себя оцепенение, я поняла, что смотрю вглубь кладбища. Дорога уводит в лес, только потому, что это окраина хутора. Мне видется силуэт мужчины в черном длинном плаще, и кажется, что я слышу, как полы его плаща хлопаются о ноги при широком шаге. Я уверенная в наваждении зажмурилась. Мое сознание выдало информацию, что я видела уже подобное где-то и когда-то. Мое сознание сформулировало четкий вопрос.

– Яра, тебя преследует призрак, это силуэт мужчины в черном плаще?

– Знаешь, что милое сознание, а может еще и «итеректом» пахнет на кладбище? – говорила я вслух.

– Пахло Ярочка, пахло. Только ты в это время стояла спиной к тому месту, где стоял обладатель дорогого запаха.

Вот так выяснив отношения со своим сознанием, я бросилась к памятнику, который был в двадцати шагах от места, где соорудили свежие могилки. К памятнику, меня первый раз принесло желание сфотографировать ритуал с высоты, что я и сделала, взгромоздившись на бюст усопшего в параллельном ряду. Я почувствовала запах «Интеректа», но приняв его за наваждение, почему-то побоялась оглянуться назад, когда впереди толпа народа рассеялась, я вернулась в исходную и щелкнула памятник, на котором еще минуту назад гнездилась. И второй раз я смело пришла к памятнику, ничего не боясь, я обошла памятник, и принялась ползать по траве, внимательно разглядывая все травинки, камушки и прочее. Выяснила, что совсем недавно здесь кто-то переминался с ноги на ногу или топтался. Надломленная травинка еще была свежей, и засохнуть не успела, а я следопыт «фиговый», лезу не в свое дело, по-видимому. Еще я обнаружила окурок от сигарет марки «Вест», его щелчком, видимо, отшвырнул мой «стояльщик» за памятник. Хотя, надо выяснить, может быть, кто-то из присутствующих на похоронах курит «Вест»? Впрочем, это была глупая формальность, кроме меня сигареты марки «Вест» ни курил, никто, находясь на территории Украины вторую неделю, я это успела заметить. «Вест» – это дорогое удовольствие для жителей хуторов. Но я-то точно знала, что здесь я не курила и вообще, я курила «Вест», но очень мало две, три сигареты в день. Поэтому окурок не мой и потом он был прикушен. «Опочки, я могу смело напрашиваться в коллеги к Шерлоку Холмсу», – подсказало мне моё сознание.

У меня в голове заройлся улей, кто здесь стоял? Зачем? Почему плащ мерещится в дали и запах «Интеректа», кажется, преследует меня. Я решила, что медленно схожу с ума, надо срочно что-то делать. Иначе прощай светлый ум и здравствуй «Маргарита» из произведения Булгакова, никто не видит то, что вижу я, никто не разговаривает сам с собой. Я перебирала ума лишенных или мистических героев в сознании и доказывала своему разуму, что я в порядке. Я была уверена, что в дурдоме, все женщины «Маргариты» без крема «Азazelлы», и все непременно попадают на бал, выступая в роли его королевы и все прислуживают призраки.

Кое-как, сориентировавшись в пространстве, выгнав пчел из улья, то есть, все не ответенные вопросы засунула глубже в сознание, я пришла в хуторок, но еще посидев неопределенное время на лавочке у ставка. Мы загостились на сердечной Украинишке, и вместо двух недель пробыли там три, фотографии я отдавала на печать в фотоателье с моих кассет, а проявленные негативы, зачем-то забрала с собой. Но и для тети Гали выбрала штук десять фотографий, но почему-то ей не отдала, а бросила на дно своей сумки вместе с теми пятью снимками, где была запечатлена свадьба Еленки.

Нас встречали сердечно и провожали радушно. Дядя Леша ездил в Донецк за билетами для нас сам, потом нас увозил к отправлению поезда нагруженных подарками. У меня самым ярким подарком, ручной работы, была запаска – это подобие фартука, только без лямок одевается через голову в зад короче, а вперед длиннее. Вышивка отличается яркостью и разнообразием узоров. Моя запаска еще и бисером была вышита, еще и Ульяновкин подарок.

– Яра я хочу подарить тебе эту запаску. На юбку ее одевай, мне ее бабушка вышивала на приданное, а я передумала выходить замуж. Хочу тебе ее подарить, – грустно сказала Ульяна.

– Спасибо, Ульян, за подарок, но помни одно, в жизни каждому своя дорога, в жизни у каждого своя судьба. Ты непременно будешь счастлива, Еленка своей невинностью купила у творца вам всем, невестам, счастье в браке, – я говорила то, во что сама верила свято, и хотела, чтобы мне поверила Ульяна. Я не знаю, почему я так сказала, я просто верила, что человеку помогает то, во что он верит.

– Спасибо Ярослава, я верю тебе, – поблагодарила Ульяна.

Простившись на перроне с Украиной и родней тети Гали, я почему-то ясно поняла, что больше никогда, ни увижу этих людей. Молчавшую тетю Галю мне развлекать не нужно было, она тихонько сидела в уголке, возле окошечка и вдыхала. Я сознательно решила не мешать ей, и мысленно готовилась к встрече с Машей, ведь еще с вокзала я дала телеграмму, сообщая о своем приезде в Москву.

Глава №8

Встречайтесь так, будто никогда не расставались

**Господи научи правильно
просто, разумно общаться со всеми
домашними и окружающими меня,
старшими, равными и младшими,
чтобы мне никого не огорчить
но всем содействовать ко благу.
(из молитвы Оптиных Старцев)*

Мы выгрузились с тетей Галей на перрон Киевского вокзала в Москве. Я была уверена, что, Маша стоит уже возле вагона или хотя бы спешит к месту его остановки, но Маши нигде не было видно. Спешащая толпа людей наталкивалась на нас, тётя Галя меня окликала уже несколько раз.

– Ты, что деточка, да нас ведь совсем скоро сшибут, – сетовала она.

– Не сшибут, обойдут! – я начала грустить, желая сильно увидеть Машу.

– Лавка, ну ты даёшь. Ты хоть помнишь, что написала в телеграмме? – Машин голос, за моей спиной прозвучал, как гром среди ясного неба, развернув меня на девяносто градусов.

– Маша, а я думала, ты меня не встречаешь? – я игнорировала её вопрос, не понимая, причём телеграмма!

– Да, ты даже не написала номер вагона. Хорошо хоть время указала. – Маша погрозила мне пальцем.

Мы задвигались за тётей Галей, которая успела организовать носильщика с телегой. Я повисла на Машином локте, торопясь выплеснуть своё смятение.

– Да, угомонись ты с болтовней, давай в машину хоть загрузимся. По дороге в Домодедово всё расскажешь, – охладила меня подруга своей степенностью.

– Маша, тёть Галя похоронила племянницу, невесту. Месяц назад вышла замуж она и в медовый месяц её и жениха убили в Карпатах. Тётя Галя говорит, что Илюша, то есть наш шеф, просил её увести меня от проблем, а какие проблемы возникли три недели назад в Стрежне, что меня спешно сослали на Украину, она не говорит. Хоть, что ты с ней делай. – Мы с Машей вдвоём посмотрели, укоризненно на хохлушку.

– Как я Илюши буду в глаза смотреть. Вместо отдыха нахлобучила Ярославу похоронами, – тетя Галя жаловалась Маши.

– Да, что вы тёть Галь. Я нормально всё пережила. Фотографировала, оттачивала своё мастерство в выборе позиции для кадра, – вмешалась я в разговор.

– Вам не следует себя корить. Моя Ярослава, взрослая девочка и в жизни пора встречать взрослые проблемы! – Маша со своей рассудительностью могла одной фразой наставления дать обеим, что умела делать с лёгкостью талантливого дипломата.

– Да, правда, тёть Галь не ругай себя! Только не понимаю, почему ты не хочешь сказать, зачем Илье Николаевичу понадобилось, чтобы я уехала? – я загрустила.

Тетя Галя на мой вопрос не реагировала, отмахнулась.

– Яра, а ты взяла с собой фотографии с похорон? – ни с того ни сего спросила Маша.

– Да, и ещё, зачем-то прихватила фотки из свадебного альбома, наверное, о вас тётя Галя думала, – я посмотрела на тётю ласково.

– Вот хорошо, а я старая и не додумалась, какая ни какая, а память. Неизвестно, когда ещё соберусь на Украину, – охала тетя Галя.

– Яра дайка взглянуть на фотографии. Далеко они у тебя? – попросила задумчиво Маша.

– Да нет, вот бросила на дно! – покопавшись в сумке, я выудила штук 10 снимков. Маша вытянула два, как из колоды карт, в аккурат, одну свадебную, другую с похорон.

– Ну и ну! – пауза затянулась! – Маша перекидывала взгляд с одной фотографии на другую. Мы смотрели на неё, не понимая, что она там могла видеть. – Яра не нравится мне вся эта кухня со свадьбами. Если моя интуиция сейчас не спит, тогда слова прозвучат не глупостью. Тётя Галя скажите ваш шеф случайно не в Таджикистан на похороны поехал? – Маша смотрела ледяным взглядом.

Тётя Галя заметно поёжилась, почему-то губы побелели, видимо от того, что она их с силой поджала. Но внутренняя борьба длилась не долго, быстро справилась с эмоциями, и голос зазвучал фальшиво, наиграно!

– Да что вы, куколки мои, хватит с Ярочки одних похорон и то не знаю, как шефу моё горе представить. Но ты ведь Яра не захочешь скрывать? Я ведь как лучше хотела, когда предложила шефу увести тебя на Украину, а тут вот горе-то племяшка... Судьбу, то какую страшную ей звёзды начертали. – Тётя Галя прикрыла глаза, но слезинки не выкатились, но по голосу слышно, что за племяшку она переживает искренне.

– Тётъ Галь, мы прогуляемся с Лавкой, ладно? – Маша спросила, а сама уже тянула меня в сторону.

– Идите девочки, вы молодые, а я посижу, вещи вон покараулю, – почти, что в спину нам сказала тетя Галя.

Мы пошли с Машей бродить по территории, аэропорта. До вылета оставалось часов пять.

– Яра, а ты видела снимки похорон?

– Нет, некогда собственно было в них всматриваться. – Мы присели на бордюр возле стоянки таксистов.

– На, посмотри! – Маша протянула мне фотографии.

– Ой, это памятник, на который я лазила, чтобы снять вид панихиды сверху! – восторженно сообщила я о своих подвигах.

– Да ни важно, что тогда делала ты, тень видишь? – Маша не понимала, почему я не вижу очевидного факта.

Я опешила, я ведь уверяла себя, что не было никакого запаха «Интеректа», что окурок был мой, ну и пусть, что пожевала фильтр, хотя так никогда не делала, что силуэт в дали – это плод моего воображения. Ну, тень на снимке перечеркнула все мои аргументы, невероятное, оказалось очевидным.

– Маша, твоя интуиция это, что-то потрясающие, – и я ей рассказала обо всех моих манёврах вокруг памятника, закончив фразой, – а я боялась, что схожу с ума и всё это, мне чудится. Маша, но ведь тебе следовало подумать, что за памятник зашёл, кто ни будь из присутствующих на похоронах?

– А я, между прочим, спрашиваю о тени, я ничего не имею в виду. Ты сама все додумала, а вот забавное, совсем в другом. Жених на свадебной фотографии опять с линзами и волос покрашен натуральной хной. Мне кажется, я, где-то его уже видела. Ну, точно не могу сказать видела или нет, – Маша задумчиво всматривалась в фотографии.

– Маша, не хочу делать ни каких выводов. Оставляю в покое Украину. Уж очень эмоционально я её пережила. Потом, тётя Галя, что-то не договаривает, совсем не хочется делать какие-то торопливые выводы, – я встала, отряхнула помятые брюки.

– Пойдём, регистрацию объявили. Твоя тётя там походу нервничает. Приедешь в Стрежень позвони. Уж очень мне любопытно, зачем шеф тебя отослал, ведь на Украинские похороны ты попала случайно. – Маша тоже встала, и мы медленно побрели к тому месту, где оставили тетю Галю.

– Позвоню, у самой в голове каша! – отозвалась я, тяжело вздыхая.

– Кстати, тебе горный климат на пользу и щёчки-то умудрилась накусать, – похвалила Маша, напомнив мне о вкусной пище на Украине.

– Маша я буду скучать по вареникам, – улыбнулась я, – я тебя очень люблю, – я потянулась и чмокнула её в щёку!

– Лавка береги себя помни, что у тебя есть я, и никогда не смей отключать телефон, ясно! Если твой телефон в отключке, значит – это для меня сигнал трубить тревогу, – на этой ноте, пожелав друг другу счастья, мы расстались у турникета регистрации.

Самолёт быстро пошёл на посадку. Погружённая в собственные мысли, я даже не заметила, как пролетело время полёта. Я думала о том, что такое случайность? События, свидетелем которых я стала, случайность или закономерность, или преднамеренные действия кого-то мне не известного, а может быть известного человека? Могут ли события быть спланированными кем-то заранее? Этот кто-то человек – жених он написал сценарий своей свадьбы. Зачем жениху понадобилось сначала жениться, потом погибнуть вместе с невестой? Может быть, жених не погиб, а кто тогда в гробу опущен в землю? Почему так загадочно вел себя жених? Дом, о котором он заявил, как о частной собственности, оказалось, был взят в аренду всего на один месяц. Зачем было изначально вводить в заблуждение мать невесты? Только для того, чтобы она дала согласие на свадьбу и не искала Еленку? Очень много черных пятен в истории с Украинской свадьбой. И вдруг на меня нахлынула волна раздражения. Свадьба, фотографии были у меня с Таджикистана. Маша сказала, что жених там с линзами и крашенный, то есть с изменённой внешностью. Получается, что оба жениха без истинного лица. Случайность ли это? Совпадение ли это? А может быть это одно лицо?

– Яра, Яра. Мы уже в пустом самолёте. Да что с тобой, деточка? Ой, прости меня дуру старую, как же я Илюши тебя повезу в таком виде, – тетя Галя трясла меня за плечо. – Деточка, ты такая бледная, неужели заболела на Украине.

– Тётъ Галь, не волнуйтесь все в порядке, да вы то тут не причём, а домой к Илье Николаевичу я поеду сама. Причём сразу с аэропорта, – успокаивала я хлопотунью.

– Ох, пойдём ещё до Стрежня добираться, – тетя Галя пропустила меня вперед.

Я надеялась, что полёт на АН-24 отвлечёт меня от моих путаных мыслей, тем более я задавала себе кучу вопросов, а ответов на них у меня не было. Я решала свой самый важный вопрос. Если жених один – это сенсация? Мне нужен собеседник, которому я могла бы, доверить свои мысли. Подумав о Еве, я решила не впутывать её в эту туманную историю, тем более, я сама ещё не выстроила определённой версии, что происходит странного в том, что я узнала из двух поездок. Не выяснила, что общего в этих поездках, мне нужно время для серьёзного анализа. Мне нужно взяться за подбор информации. Мне нужно выстроить теорию вероятности, учитывая, что свадьбы две было или больше, а может ещё будет свадьба? И какая роль определена мне в этом случае? Выгрузившись в Стрежне, я быстро распрощалась с тётей Галей и рванула в 313, где жил мой шеф, мои благодетели, где была, в конце концов, комната мне отведённая с моими вещами. Я загоняла себя в тупик всё новыми и новыми версиями, почему меня отослали, надоела, устали от меня, уволили с работы, плохо всё делаю, и всё в подобном духе, всё в таком плане вертелось у меня в голове, беда поселилась во мне из-за меня. Подъехав во двор 313 дома, я натолкнулась на Еву.

– Яра с возвращением! – Ева кинулась меня обнимать.

– Привет Ева! Спасибо! Как вы? – я отвечала Еве на объятия.

– Ой, столько новостей. Самое главное шеф вернулся из Таджикистана, как раз на именины Максимки. – Ева отклонила от меня и сообщила интересные события.

– Из Таджикистана? – моё лицо выдало всё моё смятение и удивление!

– Ярка, да ты, что не знаешь, на следующий день, как мы проводили вас с Тётей Галей на Украину, шеф оформил командировочный лист в Таджикистан. Ну, наши женщины сама понимаешь, посплетничали. Нинка-то, любит язык почесать. Ну, Марина Андреевна одёрнула

её. – Ева умолкла и вдруг её степенность вылезла на поверхность. Она наконец-то увидела мою растерянность. – Яра да ты, что иди. Я сама только, что от Надежды иду, ждёт тебя не дождётся!

– Ой, Ева и правда пойду, а то ведь совсем запуталась, я от нахлынувшей информации, – я извинилась, что не слушала Еву, цеплялась мыслями за короткую фразу, а смысл разговора не понимала.

Мы сказали друг другу пока, и, удаляясь, я чувствовала, как Ева смотрит мне в след. Да, что творится со всеми моими близкими и знакомыми? Да, в чем дело? Все говорят, какие-то не понятности, что-то не договаривая. Нужно немедленно положить этому конец и всё выяснить у Надежды. В таком категоричном настроении я позвонила в двери, не желая воспользоваться личными ключами.

– Ярочка, солнышко моё, а я совсем по тебе затосковала, – открыв двери, Надежда меня обняла.

Я, шагнув через порог, улеглась на плечо, в её объятия и почему-то зарыдала. Видимо мысли и терзания, совсем меня одолели. В такой обстановке, нас застукал благодетель, вкатившись через порог в распахнутую дверь.

– Галина дала телеграмму, что вы ещё недельку погостите, а вот ума у старой, сообщить день приезда, видимо не хватило. – Шеф говорил, куда-то в пространство, видимо не зная, что делать, когда женщины рыдают.

Надежда была хорошей группой поддержки. Рыдали мы обе, причём в голос. Шеф переминался с ноги на ногу.

– Ну, ... Мои... – видно подобрав слово, продолжил – ... хорошие, давайте перебазиремся на кухню, а я хоть двери прикрою, а то ведь вон всю площадку затопили. Так хоть в квартире потоп пусть будет. – Пытался шутить.

Мы вроде вняли голосу разума и двинулись на кухню, я на ходу скидывала обувь.

– Я так соскучилась и решила, что вам не нужна, – шмыгая носом и переставляя ноги в направлении кухни, двигалась я за Надеждой.

– А мы-то, деточка не сказали, что едим в Таджикистан. Телеграммку получили и сорвались с места, тебя на отдых послали, сберечь девичьи нервы хотели, – по дороге в кухню говорила Надежда.

– Надя, да дай хоть ребёнку с дороги умыться, а за стол сядем всё и расскажешь, все по порядку, – следом за нами плёлся Илюша и приговаривал.

– Ой, Илюша и то верно. Ярочка сворачивай в ванну, а я на стол соберу, – Надежда взяла меня за плечи и развернула в сторону ванной.

– Вот так будет лучше, а я открою вино, которое тебе понравилось в Таджикистане, – предложил шеф.

– Илюшенка специально в Таджикистане для тебя вино купил, видишь деточка, мы помнили о тебе в разлуке, привёз, для случая, – Надежда подпихивала меня в ванну.

– Какие вы у меня забавные! – я обхватила обеих, родных за шеи, они ведь правда обо мне заботились, и поцеловала в щёки, стараясь ни одного из них, не обделить, количеством чмокав, куда попадала в области лиц туда и чмокала, эти два человечка стали мне такими дорогими.

Улавливая улыбку взаимности на их лицах. С лёгкой душой я устремилась в ванну. Поливалась водой с наслаждением и радостью, знала, что Надежда вовремя подаст мне бельё, все в точности произошло как я предполагала, дверь в ванну приоткрылась, Надежда протянула руку с бельём. Сидя на кухне, мы избегали, точнее, я избегала волнующих меня вопросов, но, когда перебрались в большую комнату, я решилась поговорить откровенно.

– Илья Николаевич, что вы хотели от меня скрыть, отправив меня на Украину? – голос звучал официально, за официальностью я прятала волнение.

– Ярочка! Я... Мы..., ну, хотели уберечь тебя..., то есть не волновать! – он подбирал слова.

– Надежда ну, понимаете, я не волнуюсь, а расстроилась больше всего от того, что вы мне не доверяете, что я вам не нужна. – я смотрела на Надежду, в её глазах собрались слезинки.

– Ярочка, уже не чего скрывать, всё случилось, – Надежда бубнила.

– Надя, давай я всё расскажу, – шеф взял слово и отчеканил чётко по-мужски. – Мы получили телеграмму из Таджикистана. Поехали на похороны Шарафат. Тебя не хотели волновать, то есть Надежда, почему —то хотела, чтобы ты не узнала о смерти племянницы. Она уверена, что ты к ней очень привязалась и сильно расстроишься.

– Николаевич, вы не хотели взять меня на похороны и отправили на отдых, но я, отдохнув почти две недели, хоронила племянницу тёти Гали. – Я говорила спокойно, информацию сообщала, как факты, боль-то уже была выстрадана!

– Не может быть! – почти в один голос, друг за другом ахнули благодетели!

– И, как же Галочка? – Надежда волновалась.

– Да как, очень волнуется, как скажет Илье Николаевичу о том, что вместо отдыха свозила меня на похороны, а самое интересное, я поняла сейчас, она знала, что вам пришла телеграмма из Таджикистана и мне не сказала, только проговорила не много, что меня и взволновало.

– Ну и дела, что в жизни творится! – Илья Николаевич не расстроился, его изумлению, видимо закончился предел. – Век живи и с таким столкнёшься, что в случайность не верится! – закончил он цитату.

– Илья Николаевич, а вы не могли бы мне подробно рассказать, что случилось с Шарафат, как она умерла. – мне нужны были факты и подробности. Я понимала, что во мне горит огонь не бранного любопытства, а жжёт меня профессионализм журналиста.

– Могу и рассказать! Только не улавливаю, зачем тебе нужно знать подробности. Хотя, что скрывать, сам я всегда знал, расскажи другому человеку своё горе, и оно уменьшится, слушай деточка. Мы приехали в Таджикистан поздним вечером. Нас встретил отец Шарафат. Он очень постарел и осунулся, хотя в случившемся ему кроме своей жадности и традиций винить некого. Дочь он отдал за хороший калым. Заявление в милицию он не написал. Да и в чём разбираться в доме, куда жених увёз Шарафат, они сгорели оба. Рахим подумал и решил дочку с зятем похоронить вместе. Где бы он искал родню жениха? Да ему не нужно этого, пусть будит так, так распорядилась судьба. Он решил все хлопоты взять на себя. Выяснил только одно, жених говорил, что дом его, вот Рахим подумал, что дом сгорел, а землю зятя он может взять себе. Стал выяснять, но оказалось, что дом жених брал в аренду и случай пожара застрахован, получатель страховки риэлтерская контора. Каким-то очень расчётливым показался мне этот жених, только и всего. Да и гробы были заколочены, трупы обгорели, от судебной мед экспертизы отец откупился деньгами. Не хотел судебного разбирательства, мало ли какие факты выплывут. Дочь опознал по перстню на руке. Она оказалась не прихваченная огнём. Ни знаю почему, а может так придумал кто-то. Ладно, дело его. Ну, что Яра удовлетворил я твою любознательность? – Шеф смотрел на меня внимательно, стараясь понять, как я реагирую.

– Да, Илья Николаевич во мне проснулся неугомонный писака. Я не расстроена. Вся информация для меня является продуктом моей работы. Знаете, я хочу подумать недельку или две, а потом скажу вам, что у меня получается или напишу служебную записку.

– Хорошо девочка вижу, ты готова к взрослой жизни. Тебя нужно только подстраховать, чем я займусь. Только ты дай мне слово, что поделишься всем, что надумаешь! – шеф говорил и без цели теребил маленькую подушечку.

– Я постараюсь, я попробую. Я сама ещё не совсем понимаю, в чём суть. Хотя до сути видимо, ещё очень далеко, – я задумчиво качала ногой, сидя в кресле.

– Можешь завтра, не появляться на работе. Погуляйте, что ли с Надеждой в парке! – предложил шеф нам продолжить банкет.

– Ура! – Радость моя была искренней, я ведь действительно любила парк в маленьком городке. – Поймаем в объятия уходящую осень. Надежда, вы не возражаете?

– Да чего же, мне возражать, столько лет живём на Севере, а в парке была раза три и то в большие гуляния, в день города, например, – Надежда загорелась желанием прогуляться, щёки заалели!

Мы с Ильёй Николаевичем принялись греметь посудой. Он один из не многих мужчин, которые любят готовить и убирать посуду. Надежда, ласково улыбаясь, любовалась нами, как бы оно не складывалось, в жизни всегда, любые симптомы, любой беды или горя, сглаживаются именно радостью.

Утро вечера мудренее.

Я решила воспользоваться народной мудростью: «утро вечера мудренее». Заставлять себя уснуть мне не пришлось. Как только я оказалась в своей комнате, я поняла, что неисчерпаемо много энергии потратила на общение, на сбор информации, которой я не занималась намеренно. Вся информация о двух свадьбах и двух похоронах свалилась на меня, как снег на голову. Хотя до зимы осталось рукой подать, но я уже думала о снежинках. В Стрежне у меня уже была зима. Осенью заканчивался, как раз год, моей жизни на севере.

Наше утро с Надеждой началось шумно. Благодетель уже ушёл на работу. Меня в 8:30 разбудил звонок сотового, и реагировала я на звонок очень легко. Скинув одеяло резким движением, буквально спрыгнув с кровати, и тянулась к столу за сотовым телефоном.

– Маша-а-а!!!

– Понятно, звуки радости в родном голосе слышу, значит, жизнь удалась. Как ты?

– Я в 313. Меня любят, берегут, поэтому обманывают, – сообщила я радостно.

– Немного ни ясно, объясняйся! – предложила мне Маша расшифровать мою абракадабру, – давай только в двух словах.

– Ценю тебя за голос интуиции! – выдала я на одном дыхании.

– То есть ты хотела сказать...

– Не спеши, Маша не перебивай, ты права была, когда сказала, что мои благодетели поехали в Таджикистан на похороны.

– Очень, удачно и не ожидали, что тебя отсылают из полымя в огонь. – подвела итог Маша.

– Вот именно, так и произошло, – я сидела на кровати в спальном пижаме и болтала с Машей.

– И что...

– А что, позвоню тебе вечером или завтра, поработаю на Ермакова, шеф дал мне две недели отдыха, типа того, но в редакции я могу появляться, когда мне вздумается.

– Ладно, развлекайся, но мне лично, вся эта история кажется очень мутной, – отозвалась Маша.

– А мне кажется эта история жутко криминальной, жутко не реальной, жутко... какой угодно и сенсационной, – я высказала свое мнение об этой истории.

– Опа, пардон, забыла о вашей сути журналиста, – рассмеялась Маша.

– Маша, кстати, ты звонком меня подняла с постели.

– Ещё разок пардон!!! Прощаемся, – Маша смеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.